

ПОЛИНА
ЖЕРЕБЦОВА

Муравей
в стеклянной
банке

Чеченские
дневники
1994—2004

Документальный роман

Полина Жеребцова

**Муравей в стеклянной банке.
Чеченские дневники 1994–2004**

«ВЕБКНИГА»

2014

Жеребцова П. В.

Муравей в стеклянной банке. Чеченские дневники 1994–2004 /
П. В. Жеребцова — «ВЕБКНИГА», 2014 — (Документальный
роман)

ISBN 978-5-9691-1774-7

«Моя правда, – пишет автор книги Полина Жеребцова, – это правда мирного жителя, наблюдателя, историка, журналиста, человека, который с девяти лет фиксировал происходящее по часам и датам, писателя-документалиста». Полина Жеребцова родилась в 1985 году в городе Грозном и прожила там почти до двадцати лет. В 1994 году начала вести дневники, в которых фиксировала происходящее вокруг. Дневники охватывают детство, отрочество и юность Полины, на которые пришлись чеченские войны. Учеба, первая влюбленность, ссоры с родителями – то, что знакомо любому подростку, – соседствовали с бомбежками, голодом, разрухой и нищетой. С 2002 года Полина Жеребцова стала работать журналистом. Была принята в Союз журналистов России, в финский ПЕН-клуб. Лауреат международной премии им. Януша Корчака в двух номинациях: за военный рассказ и дневниковые записи (2006). Финалист премии А. Сахарова «За журналистику как поступок» (2012). Автор пяти книг о Кавказе. Проза П. Жеребцовой переведена на 14 языков.

ISBN 978-5-9691-1774-7

© Жеребцова П. В., 2014
© ВЕБКНИГА, 2014

Содержание

1994	6
1995	15
1996	31
1997	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Полина Жеребцова

Муравей в стеклянной банке: Чеченские дневники 1994–2004

Текст печатается в авторской редакции, с сокращениями.

© П. В. Жеребцова, текст, 2019

© Состав, оформление, «Время», 2019

* * *

*– Лятт киера, – говорит он, не пытаясь перекричать канонаду.
Я прижимаю колени к животу и стряхиваю с лица сухие комочки
грунта, падающего сверху.*

В некоторых из них остались грязно-белые нити корней.

– Корни неба, – шепчу я, – корни неба, застрявшие в земле.

*– Хвара дуня вайн дац – эта вселенная не наша, – говорит он. –
Лятт киера – полости земли, – смеется он, – мы уже ТАМ и просто не
заметили перехода.*

С. Божко. Время года – война

*На потертой от времени первой странице моего Дневника
написано: «Подвергай сомнению все. Цицерон»*

*Посвящается многонациональному населению Чеченской
Республики, которое бомбили с неба и обстреливали с земли*

1994

25.03.

Привет, Дневник!

Живу я в городе Грозном на улице Заветы Ильича. Зовут меня Полина Жеребцова. Мне девять лет.

26.03.

На день рождения, 20 марта, мама купила торт с орехами. Мы были в центре. На площади много людей. Люди кричали. Были дедушки с бородами. Они бегали по кругу.

Ленин раньше стоял в калошах. Памятник. Потом его скинули, а калоши остались.

Зачем люди кричат? Чего просят? Мама сказала:

– Это митинг!

27.03.

Написала стихи:

Я мечтаю, как все дети,
Плыть на корабле!
И волшебную ракушку
Отыскать на дне.

28.03.

Проснулась. Помыла посуду. Подмела подъезд с четвертого до первого этажа. Стала стирать. Постирала в тазу вещи, читаю книгу.

29.03.

Почему все снежинки, а я нет? Меня нарядили Красной Шапочкой на праздник. Мама из своей юбки пошила костюм. Я хочу быть снежинкой! Все девочки в классе – снежинки.

01.04.

Кот Мишка сидит рядом на подушке. Я читаю «Три мушкетера». Там есть королева, Миледи и д'Артаньян. Мне нравится мир, где носят красивые платья королевы. Там мушкетеры и гвардейцы!

Дома скучно.

02.04.

Играли в прятки. Прятались за деревьями во дворе и в садах. Я пряталась с Хавой и Аленкой. Это мои подруги. Потом каталась на велосипеде. Но он сломался.

Пока!

18.04.

Я потеряла мыш-игрушку. Мама купила за хорошее поведение.

Мышь сидела в кармане. Наверное, она упала в траву.

Мы искали с Аленкой и Сашкой. Не нашли.

Мама сказала, больше не купит такую мышку. Сказала, что я растяпа. *Поля*

22.04.

Меня пригласили в гости тетя Катя и ее дочка Вера. Они наши соседи с четвертого этажа. Сказали приходить утром. Я встала и пошла в шесть часов. Мама спала. Потом меня все ругали, потому что рано пошла. Сами позвали же!

Я сидела на кухне. Тетя Катя меня пустила. Она готовила блины. Потом проснулась Вера, и мы играли. У Веры есть кукла-мальчик. А у меня нет. У меня девочка. Мы решили их пожечь.

Видела бабу Любу и деда Степу со второго этажа. У них смешная собака такса. Зовут Кнопка.

01.05.

Сегодня христианская Пасха!

Мы ходили по городу. Дождь. Мы дошли до церкви. Все соседи поздравляли друг друга. Угощали пирогами. Дети ели крашеные яйца. Баба Зина всем давала. Больше всех съел Ислам из переулка и Магомед. А Васе и Аленке не досталось. Им дала пирожки баба Нина.

Дождь шел с утра. Мама и тетя Аня сказали: это плохо. Когда идет дождь, Бог плачет, потому что много грешников на земле.

05.05.

Ураган. Деревья упали на землю. Все испугались. Потом пошли в сады – собирать абрикосы. Но они еще неспелые, зеленые.

Мне снился страшный сон: в окно рвалось чудовище. У него были клешни, и оно выбило решетку на окне.

15.05.

Мы играли: Патошка, Вера, Ася, Хава, Аленка, Русик, Арби, Умар, Димка, Ислам, Сашка, Вася, Илья, Игорь, Сережа, Денис и я. Сначала в догонялки играли, потом в мяч!

Мама давала нам сок «Юпи» из пакетика. Мы мешали порошок в ведре с водой. Пили. Мой любимый – оранжевый, а у Аленки красный, клубничный. Потом мама дала нам по жвачке «Турбо». Там машинка есть, картинка. Все очень обрадовались.

Кот Мишка заболел.

21.05.

Я помогала маме торговать печеньем на «Березке». На работе маме не платят. С едой плохо. Тетя Катя говорит:

– Это времена такие. Тяжелые.

Мы варили суп из куриных лап и ели. Раньше из курицы варили, а теперь из лап. Лапы продаются на килограмм. Курица была вкуснее. Сильно вкуснее.

Мама хочет перевести меня в другую школу.

Старшеклассники одну девочку ударили стулом по голове, она в больнице. Я дружила с Надей с первого класса. Говорила ей секреты.

Я собираю наклейки, и осталось только одну наклеить, чтобы выиграть куклу Синди! Надя попросила книгу, и я дала. И забыла, что в книге альбом и наклейки! Надя вернула книгу, а альбом нет. Я и мама ходили к ним домой. Они живут в частном доме. Мама просила ее деда, чтобы отдал. Они не отдали. Я плакала. У меня теперь нет альбома и нет подруги.

У них дома я видела маленького поросенка. Он бегал, как собачка. *Поля*

24.05.

Надя молчит. Не отдает альбом. А Хава сказала:

– Ты ей тоже не отдай что-нибудь!

И я знала, что у меня словарь Нади. И хотела не отдать, а потом отдала. Если она такая, то я не такая.

Мне нравится Елена Александровна – она играет с нами. Это наша учительница. Еще мне нравится Алексей, который сидит за одной партой с Юлькой. Я думаю, что люблю его. Он купил мне булочку в буфете. Еще он не боится прививок. А я и другие девочки прятались в туалете, но нас все равно нашли и сделали в спину уколы. Мы плакали. *Поля*

02.06.

...На столе стояло два стакана. Один с едой для рыб, другой с ядом для мышей. Я знала, в каком яд. Но было интересно, что будет, если покормить им рыб. Дала немножко. Они в аквариуме сдохли. Я боялась на них смотреть. Они стали мертвые, а были живые.

Мама кинулась и давай меня лупить.

– Убийца! – Мама дралась полотенцем. – Ты убийца!

Сын тети Марьям, Акбар, расстроился. Это были его рыбы. Тетя Марьям не ругала. Она дала мне бублик и сказала, что выбросит рыб в унитаз.

Мне не было стыдно. Было страшно. Убийца чувствует страх. *Поля*

16.06.

Мама купила еды.

Купала Мишку в тазу. Аленка помогала. Потом до обеда гуляли. Лежали и смотрели в небо. Я говорила Аленке, что привидения живут в старой котельной, которая стоит во дворе. Она пугалась. Аленка младше меня на целый год.

Потом пришел Игорь и стал рассказывать, что взрослые врут и Деда Мороза нет. Я сказала, что нет Деда Мороза в красной шапке. А существует Дед Мороз, который живет во льдах. Он бродит невидимый, заглядывает в окна зимой. И только детям можно его увидеть. Аленка, Игорь и Хава поверили мне. Я подумала, что он ходит и смотрит в окна. Иначе откуда мне это знать? *Поля*

23.06.

Очередь за хлебом, в магазине дерутся.

Я принесла муравья. Он живет в стеклянной банке: там есть земля. Я читала в книжке, что муравьи строят красивые города, и решила посмотреть как. Пусть в банке построит!

28.06.

Свадьба во дворе! Всем давали конфеты. Танцевали лезгинку. Стреляли из пистолета. Тетя Марьям сказала:

– Стреляют, чтобы злые духи убежали!

Мы с Аленкой опять говорили о привидениях. А Ислам сказал, что боится ходить в сады. Потому что там призраки летают над чесноком и луком.

29.06.

Больше всего на свете я люблю убежать за дом. Мама лупит и не разрешает. Но я хожу. Я стою и смотрю на горы.

Они синие. Я люблю горы. Больше, чем небо и солнце. Они окружают мой город. Я смотрю на них и думаю, что, когда вырасту, пойду к ним. Обязательно пойду!

03.07.

Все боятся землетрясения. Соседи ночевали на улице. А мы на первом этаже живем. Мы дома ночевали.

06.07.

Приходил дедушка Анатолий. Я спросила, как бывает землетрясение. Он взял коробок спичек из кармана. Положил на руку и покачал. Спички упали.

– Так падает дом, – сказал дедушка. – Земля движется.

Потом он открыл коробок, и там были не спички. А жук! Большой жук. Крылья зеленым цветом. Дедушка показал мне жука, а потом отпустил. Жук улетел и потерялся в листьях клена.

Мы ходили гулять и видели бомбу за железной дорогой. Бомба с далекой войны с фашистами. Недавно она показалась из земли.

Чапу отравили злые соседи с третьего этажа. Они ненавидят собак. Чапа была добрая собака.

По железной дороге иногда идут поезда. Куда они идут?

27.07.

У тети Марьям, нашей соседки, есть ключи. Они лежат под ковриком у двери. Она всегда их туда кладет. Я взяла и спрятала. Хотела посмотреть, что будет.

Тетя Марьям пришла с огорода, искала. А потом я сказала, что ключи нашла на улице, и отдала. Тетя Марьям опоздала на работу. *Поля*

11.08.

Дедушка болеет. Он лежал. Мама купила лекарства. Потом он поехал в свою квартиру.

В его квартире много книжек – их никогда не прочитать! Книги на всех полках, а полки с пола до потолка! Дедушка их покупает и хранит.

Я читала Сервантеса «Дон Кихот», два тома. Книги старые. Там внутри гравюры закрыты бумагой тонкой. И я смотрела эти гравюры и думала, что тоже там путешествую. *Поля*

20.08.

Я проснулась и вспомнила дедушку. Позавчера шел дождь. А потом было солнце. Мы пошли по дороге, и дедушка сказал:

– Видишь дерево? Оно – ребенок. Потом дерево станет взрослое, а потом старое. Когда-то исчезнет. Из него сделают стол или растопят печку. Так всегда бывает.

Это была береза.

Еще он сказал:

– Не рви листья. Им больно.

Я сказала:

– Нет, не больно.

А дедушка сказал, что листья – это пальцы. И я поняла, что, если их сорвать, им больно.

Я больше не буду. *Поля*

25.08.

Гуляли по двору и пели песни. Я, Аленка и Хава.

В нашу гавань заходили корабли,
Большие корабли из океана...

Я придумала петь песню. Мы ходили вокруг дома и орали. Соседи хлопали форточками. Потом пришла луна. И мы удивились. Луна была красная. Мы никогда раньше не видели красной луны! Она была большая, а вокруг красный свет.

Я сказала:

– Давайте убежим отсюда. Устроим побег за синие горы!

Хава не согласилась, Аленка испугалась. Мы уже как-то убегали с Аленкой. Недалеко. За две остановки только убежали. *Поля*

26.08.

Отпустила муравья. Он так и не построил дворец в стеклянной банке. Наверное, просто не стал. Не захотел для меня. Или не смог один. *Поля*

27.08.

Маме на работе не платят денег. Мы торгуем газетами. Ходим и продаем их по улицам с утра до ночи. Кричим: «Газеты! Газеты!» Ноги болят. Нам нужно купить лекарства. Дедушка в больнице.

01.09.

Была на празднике школы. Сказали, у нас будут уроки кулинарии. Это хорошо. Я люблю готовить. Меня тетя Марьям учит делать халву и вареники.

08.09.

Играла с Васькой. Это сын тети Дуси.

Я подарила Аленке лошадку. Она подарила ее Ваське. Я вцепилась в ноги лошадке. Не хотела, чтобы Васька забрал. Все ревели.

Потом я видела бабушку Вадика. Ее зовут Аксинья. С Вадиком я дружила. Катала его на санках, когда зима. Он ведь маленький!

А потом вышла как-то, а мне навстречу бегут мальчики: Витя и сын дяди Умара. Кричат:

– Вадик горит! Вадик горит!

Я подумала, сад у Вадика горит. Уже горели сады за домом. Сухо, дождя нет. Пошла к бабке Вадика. Сказала:

– Сад ваш горит.

Она ответила:

– Пусть горит!

Потому что был пожар, и папа Аленки сгорел там: пожар в саду тушил соседям. Вот.

Потом мы пошли гулять: я, мама и Аленка. Были в парке и ели мороженое. Пришли домой, а тут Сашка со второго этажа едет на велосипеде. Кричит:

– Вадика нашли!

Мама не поняла, и я тоже, а Сашка сказал:

– Его заперли в саду в сарае Витя и Васька и подожгли. Он сгорел! Заживо.

Я сказала, что это неправда. Я видела Ваську. Он у Аленки телевизор смотрел. А навстречу мне бежали Витя и сын дяди Умара. Светленький чеченец.

Васька не жег никого. Он мультики смотрел! А семья Вадика в милицию написала на родителей Васьки. Потому что родители Вити – пьяницы. Витя дегенерат. А Васька нормальный.

Вадика похоронили в гробу с закрытой крышкой. Только фото было.

11.09.

На рынке были люди с оружием. Что-то искали. Все испугались.

14.09.

Я пошла в новую школу. В классе много детей. Есть девочка Диана. Ее мама учительница. Диана всех бьет и отбирает завтраки. Рвет тетрадки. У меня тоже порвала тетрадь.

Я так волновалась на диктанте, что перепутала слова. Очень боюсь тройки. Мама может побить.

Зато мое сочинение всем понравилось. Его читали даже старшеклассникам в других классах. Сказали, просто замечательно! Я написала, что пришла осень. Каждый лист живой. Он хранит в себе историю своей жизни. *Поля*

16.09.

Наша учительница Людмила Николаевна играет с нами на перемене. Она седая. Мы ее очень любим и при ней не ссоримся. Она попросила нарисовать в тетради славянских мифических существ: домового, лешего и водяного.

Еще в школе учат готовить. Есть такой урок. Мы готовим салаты.

18.09.

Мама забирает меня из школы после торговли на рынке. Мы идем домой.

А сегодня воскресенье. Я пошла помогать ей торговать газетами. Но торговли не было. Мама плакала. Дедушке нужны лекарства. В больнице нету. Нужно купить.

Незнакомая тетя дала нам мороженое.

24.09.

Все хвалили мой доклад о планетах. Я писала о Юпитере и Марсе. Мама помогала приклеивать картинки.

05.10.

Стреляли! Это было та-а-ак страшно. Я плакала. А дедушка Идрис, наш сосед, сказал, чтобы мы не боялись, что не будет войны. У меня сильно стучало сердце. Взрывы были.

Я боюсь ходить в школу.

09.10.

Кружили вертолеты и самолеты. Низко. Сердце стучит. Они будут убивать нас? Сказала маме.

Мама говорит:

– Нет. Не будет войны. Не будет!

11.10.

Много стариков с бородами. Все что-то говорят. По кругу бегают и читают молитву. Мне кажется это очень странным.

А дед Идрис сказал, что все будет хорошо, и дал конфеты. И тетя Валя сказала. И бабушка Зина. И тетя Марьям.

Не будет войны. Это просто самолеты летают. Смотрят на нас.

15.10.

Стреляют самолеты. Я не хожу в школу. Никто не ходит.

Я и мама проведывали дедушку в больнице. И я увидела свою бабушку Элизабет. Это мама моего папы. Она стара. Она спросила меня:

– Ты будешь за мной ухаживать? Помогать мне?

А потом сказала:

– Ты за дедушкой хорошо ухаживаешь!

Я ее видела всего два раза. Больше никогда. Они с мамой не дружат. Бабушка Элизабет живет в районе Минутка.

Дедушку Анатолия в больнице обокрали. Забрали деньги, еду. Ему сделали укол, он заснул, и всё украли.

Еды в больнице нет. Нужно приносить еду.

18.10.

Мы были на рынке. Самолет низко летал. Все боялись.

Я раньше смотрела в небо и не боялась, а теперь очень боюсь. И смотрю под ноги.

Стреляют из автоматов на улицах.

19.10.

Взрослые говорят, что на город идут танки. Русские. Ельцин объявил нам войну, чтоб ему!

Дедушка в больнице. Я боюсь, когда бомбят. Я и мама продаем газеты. Они плохо продаются. Один раз я даже просила милостыню с мамой, один раз сама. Руку протягивать не стыдно, стыдно смотреть на людей. Купили лекарства на эти деньги.

26.10.

Мы должны забрать дедушку из больницы. Ему стало лучше.

Мы не можем выйти – стрельба. К нам пришли соседи. Они боятся.

27.10.

Маме снилась ее мама. Бабушка Галя. Она умерла недавно. Она сказала: «Иди. Твой отец ждет, чтоб хоронили».

Мама сказала ей: «Нет, он жив, он в больнице».

И проснулась. Рассказала мне сон.

Мы не можем добраться до больницы. Стреляют.

29.10.

Мама оставляла меня у тети Вали и Аленки. Тут еще Васька пришел, сын тети Дуси. Мы играли в карты. Света нет и газа тоже.

А потом пришла мама – дедушку убило. Обстрел. Стреляли, где больница, на улице Первомайской. Врачи убежали. Прятались. А больные остались.

Что же делать? Дедушка Анатолий уже неделю лежит мертвый. Мама плачет. *Поля*

14.11.

Дедушку хоронили. Меня не взяли. Всюду стрельба. Я слышала, как мама сказала тете Вале:

– Не могли положить в гроб, потому что время прошло.

Мама всем дала соленые помидоры и хлеб – поминание. Соседи уехали из города в села. Но многие остались.

21.11.

Мы ходим с мамой и торгуем. Иначе нечего кушать. Вчера самолет летал низко над рынком, и все пригибались. Он издавал жуткий вой. Мы торговали дедушкиными удочками и блеснами. У него их много. Никто не верит, что русские станут бомбить. Они ведь люди.

25.11.

Мы с мамой хотели забрать вещи из дедушкиной квартиры. И сказали, чтобы соседи наши тоже взяли, что хотят. На память. И все брали. И тетя Валя, и тетя Дуся, и дядя Адам со второго этажа (он купил квартиру деда Степы и бабы Любы), и многие другие.

Потом пришел дед Шамиль. Он хотел купить квартиру дедушки. Но нам сказали, что дедушкина квартира принадлежит чеченцу одному. Мы не поверили. Дедушка ее не продавал. Но так сказали милиционеры. И сказали, что мама может взять только вещи. *Поля*

30.11.

Дома в центре горели.

Мама купила мешок муки. Мы жарим лепешки на костре. Я и баба Нина носим дрова.

01.12.

Мы пошли на рынок. И тут стали стрелять. И все побежали. Все падали в лужи. Я упала. Кто-то на кого-то напал. И стреляли. Потом убило ребенка у женщины, и она кричала. Очень кричала. Это пуля. Пули были всюду, и все бежали и бежали. И мы бежали.

Мы залезли в автобус. Он поехал, и тут случилось, что вертолеты стали стрелять по автобусу. Они стреляли по нашему автобусу! Все кричали и прятались друг за друга. Вертолеты летали и стреляли. И самолеты летали и жужжали.

Мы вышли на остановке «Нефтянка» и побежали через поле и железную дорогу. Там были дед какой-то и тетя с детьми. Я и мама. Все бежали. А вертолет летел и стрелял пулями в нас. И я бросила сумку и прибежала домой первая. А мамы нет. И я не знала, что делать. Я вынула из полки с книгами старую икону. Там на ней Иисус нарисован. Я упала на колени и стала плакать:

– Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы никого не убили! Пожалуйста! Спаси маму и детей, и дедушку, и тетю!

Малика со второго этажа прибежала:

– Нас убьют! Нас убьют!

Это дочка Нуры. Тут мама пришла.

– Растяпа, что сумку бросила? – говорит.

Малика маму спросила:

– Там стреляли. Кого убили?

– Никого. Все убежали, – ответила мама.

Малика сказала, что их семья уедет из города в село.

08.12.

Почему Ельцин и Дудаев не договорятся? Ельцин – это дядька один, а Дудаев – это наш президент. Ельцин живет в Москве и хочет тут воевать. А Дудаев тут живет. Дудаев красивый!
Поля

11.12.

Мы ходили на хлебозавод. Очень стреляли, и самолеты бросали бомбы. Ухало. Мы принесли хлеба. Дали тете Вале, бабе Нине и Юрию Михайловичу, дедушке со второго этажа.

Потом я идти не хотела, а мама меня потащила. В центре дом. В него бомба попала. Там старики лежат внизу. Русские. Они с фашистами воевали. Теперь никто не может их достать. Нет подъемного крана. А дом упал. Этажи упали!

Мама меня тащила, а я не хотела. Я боялась, что услышу их крики и не буду спать никогда. Там горели свечи у дома и была еда в мисочках. Три дня люди слышат крики, а спасти никак не могут. Просто молились. И все плакали. Очень страшно. *Поля*

26.12.

Мама была на базаре «Березка». Там говорили, что русских солдат жители где-то не пустили и они убили кого-то. С одной тетей что-то плохо сделали. И все теперь испугались.

Самолеты бомбят. Бомбы бросают на нас!

30.12.

У нас живут соседи: им страшно высоко жить. К нам пришли. Баба Оля, баба Зина, Аленка с мамой прибегают и убегают (у них дома старая баба Римма). Из дома напротив пришли к нам баба Нина и ее дочка тетя Варя со светлыми волосами. И дети тети Вари: Мансур, Юрочка и Башир. Башир меня старше на год. Мы ходили с ним в школу № 55.

А Мансур старше меня на пять лет. К ним в дом снаряды попали. И стена упала. Теперь им жить негде. Они у нас живут. У нас однокомнатная квартира. Мы спим по очереди на одном диване. По дороге идут танки и стреляют. Мама достала елку. Новый год!

1995

Наступил год Свиньи! Зодиак такой.

Всю ночь стреляли по дому. Мы лежали в коридорной нише. Там нет окон. До этого сидели на санках на полу в ванной. Дом трясся. Горел. Танки шли по трассе, стреляли. Скрежет страшный. Мансур с мальчишками бегали смотреть на танки.

Самолеты бросали бомбы. А потом так бухнули снарядом, что на кухне с окна упала решетка. И упала она на маму, бабу Нину и тетю Варю. Они на полу справляли Новый год. Теперь у них головы разбиты.

Я рисую портрет Мансура. *Поля*

02.01.

Стреляют, но я привыкла. Не боюсь. Когда близко гремит, баба Нина поет песни или читает частушки с плохими словами. Все смеются, и нестрашно. Баба Нина молодец!

Мы в подъезде на печке из кирпичей готовим. Я смотрю на огонь и думаю: там живут саламандры.

Мы чумазые, грязные. Все вещи в копоти. За водой ходим за дома, на трубы¹. Иногда лежим на земле, чтобы не убили. Так надо.

Баба Римма болеет. Это Аленкина бабушка. Я бегаю к ним во второй подъезд. У них буржуйка! А у нас очень холодно. Мы спим в сапогах и пальто. Делаем копилку в банке: там фитиль и керосин. Так не темно ночью, и можно шептаться, пока самолеты бросают бомбы.

09.01.

Все горит. Бомбы с неба. Убило тетю в переулке, и из другого дома семью убило. Люди умирают, когда идут за водой, ищут хлеб.

К нам приходил какой-то мужик, просил керосин. Мама не дала.

Нас много. Кушать нечего. Мама и другие люди ходили на базу. База – это такое место, там мороженое в ящиках. Его все грабят. И мама принесла с тетей Валей. Мы разогрели и пили с лепешкой. Очень вкусно.

Снег топим. Только его мало. И он какой-то невкусный. Вот раньше сосульки были вкусные! А этот какой-то горелый, серый. Мама говорит – от пожаров.

10.01.

На остановке «Нефтянка» видели девушку-чеченку с рыжей косой. У нее на голове зеленая лента. А в руках маленький автомат. Девушке лет шестнадцать. Она воюет за Грозный. С ней был мальчик младше нее. Наверное, брат.

Дед на остановке сказал:

– Она защищает родину. Ты подрастешь, и ты будешь! – и показал на меня пальцем.

А мама сказала:

– Красивая девушка. Дай Бог ей удачи!

Рыжая покраснела и ушла.

Еще я узнала, что маленький автомат называется «тюльпан». Совсем как цветок!

Еды нигде нет. Хлеба нет. Баба Нина раздобыла капусту. Мы едим капусту! Мне скоро десять лет. *Поля*

¹ Большие трубы котельной тянулись от завода над речушкой Нефтянкой, и под ними была «пропасть», шесть-семь метров. Люди очень рисковали, когда лазили туда и из пробоин от снарядов и пуль наливали в ведра воду. Нужно было проползти по трубе на середину обрыва и там подставить под струю ведро. Главное было не упасть. – *Примеч. авт.*

12.01.

Мансур показывал ракетницу. Это трубка. Ею подают сигнал. Он нашел ее на улице.

Дядя Султан из первого подъезда, папа Хавы, поймал где-то курицу, сварил ее в большом ведре и давал всем попить бульона. И нам дал. Мы сразу все набросились и съели. То есть попили воды от курицы. О, как здорово! Дядя Султан еще дал две картошки!!!

Хавы дома нет. Она с мамой в Ингушетии. *Поля*

14.01.

Пришел через синие горы сын бабы Оли. Она старая. У нас жила. Его хотели расстрелять и солдаты, и ополченцы. Он всем сказал:

– Я иду к маме!

И его не убили. Он – храбрый.

Мы были такие голодные! А он сходил на базу и принес нам пол-ящика кильки! О, как вкусно! Бабу Олю он забрал. Они будут пешком уходить из города.

18.01.

Еды нет. Воды нет. Холодно. Я часто сижу в ванной комнате. Стекол нет. Решеток нет. Снарядами унесло. На полу снег.

С бабкой Ниной ругаюсь. Она книги хочет жечь вместо дров! С Баширом ругаюсь. Он дергает меня за волосы. Противный второгодник! Юрочка дурачится. А я люблю Мансура. Только это страшный секрет! И чтобы никто не знал, я буду прятать тебя, Дневник, за шкаф. Если Башир найдет тебя, мне грозит пожизненный позор. Он всем разболтает.

Мансур храбрый. Он пытается найти еду и не боится обстрелов.

Еще на остановке делали ловушку ополченцы. Подпилили деревья и поймали бэтээры и танки. Бросали в них «поджигушку». Потом постреляли солдат и ушли.

А мальчишки с нашего двора туда побежали. И сказали, что один солдат был еще жив. Он попросил, чтобы его застрелили. У него не было ног. Они сгорели. Он сам попросил. Так сказал Али, который живет через квартал от нас. Али тринадцать лет. Это он убил.

А затем плакал, потому что убивать страшно. Он убил из пистолета. Бабка Нина крестилась, и все плакали. Али дал тетям письмо. У солдата написано так: «Береги дочек. Мы спускаемся к Грозному. Нет выбора. Мы не можем повернуть, наши танки навели на нас пушки. Если мы повернем – это предательство. Нас расстреляют. Мы идем на верную смерть. Прости».

Тети хотели выбросить письмо, а мама положила письмо туда, где книги. Обещала отправить по адресу. Улицы и номера дома нет. Сгорели. Но написано: –ская область. Мне жалко солдата. Я не пойду на остановку, через сады. Там лежат его труп и другие мертвецы. *Поля*

20.01.

Военные стреляют в собак. Собаки едят покойников. На улицах лежат мертвые люди и мертвые собаки. Я стараюсь не смотреть, когда иду мимо. Я закрываю глаза. Потому что кричу, когда их вижу, и не могу остановиться. А мама ругается. Говорит, я – трус.

Ополченцы воюют с российскими военными. Ополченцы – это люди, которые защищают свою родину. Так сказала баба Зоя.

Внуку бабы Зои пять лет. Его зовут Славик.

Мы с мамой видели дядю Султана. Он ходил по пустым магазинам, искал, может, где еда и дрова. Ничего не нашел.

Бои не заканчиваются. Говорят, в селах много убили людей. *П.*

21.01.

Я сижу в коридорной нише на матрасе. Вокруг стрельба. Бьют прямо по дому. Вчера я спала у тети Вали, мамы Аленки. У нас негде спать. Все спят на полу и на диване. Некуда ноги положить.

Почему началась война? Мы ходили с мамой на марш мира осенью.

26.01.

Соседку из нашего дома ранило в ноги. Они опухли. В доме рядом дяде оторвало руки.

А когда мы прятались в нише при обстреле, за окном попали в машину снарядом. Машина хотела уехать из города. В ней был мужчина, женщина и дети. Женщину сильно ранило, а другие сразу погибли. Женщина кричала-кричала, а потом тоже умерла.

А я уши закрыла руками и лежала на полу. Я не могла слушать, как она ужасно кричит. Потом сказали, что она была беременная. Их тела унесли. От машины почти ничего не осталось.

30.01.

Летом мы с Аленкой хоронили жуков и червяков. Каждому сделали могилу и поставили памятник из камушка.

Но потом не нашли мертвых. И тогда я убила парочку новых жуков и тоже прикопала. Решила – пусть кладбище будет пышнее. Дура!

Но и это еще не все. Когда я проводывала дедушку в больницу, то сделала один очень плохой поступок. Я обманула его. Обманула. Как это плохо! И Бог покарал меня. К нам пришла война.

03.02.

Во дворе были русские солдаты. Они вывели всех во двор.

Парней раздели догола и смотрели. Мне было очень стыдно. Зачем они сняли с них одежду?

Тетки и бабки ругались. Солдаты сказали, что ищут след. След от ремешка вроде. От автомата. И одного парня куда-то увели. Хотя следа никто у него не видел. Этот парень просто мимо проходил.

У нас документы смотрели.

07.02.

Мы проведали квартиру дедушки. Там русские солдаты. Они полы сняли. Нет паркета. Дырка. Они костер жгли.

Сожгли Пушкина!!! Кошмар! Ужас! Обед варили.

Мама с ними говорила. Ругала. Они покивали башкой. Мама говорит:

– Им лет восемнадцать! Не понимают, что творят!

А так, по-моему, большие дядьки. Один был с усами. Они там живут и стреляют.

В квартиру деда попал снаряд. Она разбита. Телевизор солдаты расстреляли. Почему?

15.02.

Мы были на базаре «Березка». Там продавались лепешки, сигареты, соленые огурцы.

При стрельбе все бежали, прятались.

Обратно шли, смотрим – бабуля. Везет что-то на санках. Одеялом накрыто. Мама решила, гроб. Еле идет бабуля. Ей лет восемьдесят. Седые волосы из-под платка. Вокруг стреляют. Но она глухая. Не слышит даже.

Мама взялась помочь. Через трассу санки перевезла. И тут ветер – одеяло упало. Мы смотрим, а это вовсе и не гроб, а новый холодильник в упаковке. Бабуля его где-то украла.

23.02.

Все воруют! И тетя Г., и тетя А., и тетя З., и дядя К., и Х., и М. Все с утра берут тачки. Идут. А потом приходят, привозят ковры. Посуду. Мебель. Два-три человека не воруют только. Юрий Михайлович не ворует, и еще несколько соседей не воруют. Другие соседи говорят:

– Русские солдаты воруют!

И это правда.

– И мы будем воровать! Все равно добро пропадет.

И делают так.

Из дома напротив самый неутомимый – дедуля Полоний. Он раньше в тюрьме работал. Надзирателем. Теперь по пять раз в день тачки носит. С ним около десяти друзей. Ругаются иногда, кому чего достанется. Прямо во дворе орут.

А из нашего дома отличаются тетя Амина и тетя Рада.

Мы пошли в центр: я, мама, тетя Валя и Аленка. И тоже зашли в частный дом. Там чай был. Мы взяли по одной коробочке. Потом я увидела куклу. Это был пупсик. И я его взяла. Аленка нашла карандаши. А мама ничего не взяла. Сказала, что ее чуть не убил снайпер. Снайпер стрелял в маму. Ведь стыдно, если убьет в чужом доме и тебя найдут как вора.

– У нас дома куча своих вещей. Девать некуда! – сказала мама. – Идем домой!

И мы ушли.

25.02.

Мы ходили в церковь. Она за мостом, где река Сунжа. Сунжа грязная, мутная. Церковь от снарядов покосилась. По ней не раз попадали. Вокруг дома будто после страшного землетрясения: вроде были дома, а теперь только часть стены.

В церкви давали соленые помидоры и макароны в стаканчиках. Бабушки были русские, и тети-чеченки были. Детей много. Бабки на них ворчали.

Еще я там видела Люсю. Она живет в разрушенных подъездах. У нее убили папу, маму и бабушку. Люся красит губы. Она нашла красную помаду в разбитом доме. Люсе четырнадцать лет.

Мама сказала, что бомба попала в зоопарк и звери погибли. А я видела собаку. У нее осколками отрезало нос. Она без носа теперь. И много убитых собак.

Еще говорили: в дом престарелых попала бомба, и все погибли.

В церкви тетя-монашка меня водила внутрь, вниз. Там в подвале темно и только свечки тонкие горят у икон. Все молились, чтобы скорее война ушла. Тетя-монашка дала мне рыбу и картошку. И я ела. А мама подмела двор у церкви.

Сказали, что макароны и помидоры дали казаки. Казаки – такие люди, живут где-то далеко и сюда помогают. Потому что война.

Потом мы шли назад. Военные сильно стреляли. Мы лежали на земле. И видели мертвого русского солдата. Его при нас убило. Он лежал, а рядом оружие. Он был одет в синюю форму.

Мама пошла во двор. А там БТР. И сказала:

– Идите, там ваш парень лежит!

А солдаты что-то ели и пили из бутылки. И не пошли. Мы ушли домой.

Дали дедушке Юрию Михайловичу немного помидоров и макарон. Он обрадовался!

Поля

27.02.

Танки едут, а на них ковры. Говорят, возят в город Моздок, продают. И в Ингушетию. Там даже рынок есть. Все ворованное покупают.

Соседи грабят, и военные грабят. Двери открыты из-за снарядов и бомб. В домах если не взяли вещи, то расстреляли: телевизоры расстреливают, стиральные машины.

Мы ходим ищем хлеб. Нигде нет. Мешок с мукой кончился. Я все время голодная, и мама тоже. Наши беженцы чинят стену в своей квартире на третьем этаже. Бегают туда, пока не стреляют.

Был момент, когда русские танки заехали во двор, а мы вышли. Мы ни разу не ходили в подвал, а тут решили пойти. Очень стреляли. Мы вышли и дверь закрыли. Танк навел дуло на подъезд. А в подъезде дети, бабушки и тети. Мы стали бить дверь. Она не открывается. И я закрыла глаза, решила, что он сейчас выстрелит и мы умрем.

Он выстрелил, но промазал. Не попал по подъезду, а попал выше. Из садов по танку начали стрелять ополченцы и кричать: «Ваня, сдавайся!» Танк стал пятиться.

У мамы тряслись руки, дверь не открывалась. А все кричали:

– Лена, скорей! Лена, открывай дверь!

Дверь перекосилась от взрывов. Потом дверь все же открылась, и все упали в наш коридор. И лежали. По двору стреляли из танков.

03.03.

Мама ходит на базу, которая рядом. Ищет дрова. Дров нет, а надо чайник греть на костре.

На базе бои. Русские солдаты и ополченцы бегают. Мансур пошел за дровами, и они стали по нему стрелять. Он еле убежал. Прыгнул со второго этажа.

Мансур носит шляпу. Он пират! Настоящий пират!!! Я не могу сказать ему ни слова. Хотя очень хочу. Но не могу. Стесняюсь. Он нашел где-то тени для глаз и мне принес. Маленькие такие, в коробочке. Сиреневые. Подарок! Мне! *Поля*

04.03.

Был праздник Ураза-байрам! Баба Зина принесла соленых помидоров и риса. А дядя Ахмед принес жареной картошки. Целую сковородку! На костре пожарил.

О, как мы счастливы! Мы поделились подарками с тетей Валей и Аленкой.

05.03.

Мама и дядя Султан ушли на базу за дровами. Мне страшно одной.

Я бежала через сады на базу. Побежала одна. А снайпер стрелял по железной дороге. Пули падали рядом. Я хотела найти маму. Бегала, звала ее. Видела убитых людей, но это была не мама, и я не подошла близко. Какие-то тети и дети лежали на снегу. И одна была бабушка в сером платке.

Потом я нашла маму. Дядя Султан уже ушел в наши дворы. Мама все искала дрова. Мы зашли в домик базы, там старые стулья. Тут начали стрелять из танков. И бубубув! Снаряд разорвался. Мы упали. Волна воздуха! Нас засыпало побелкой и камнями. Но не сильно. Мы выбрались оттуда и поползли.

Мама объяснила: ей сказали, что есть такие мины – тепловые. Они идут за человеком и разрывают его на куски. Я ползла по снегу и думала, что такая мина меня обязательно найдет, будет за мной красться, а потом разорвет на куски.

Мы долго лежали у дороги. Летели снаряды, красные и оранжевые. А потом нам удалось пробежать к домам.

Мы принесли дрова! *Поля*

07.03.

Мы ходили в поисках пищи. Искали. Пока шли в центр города, прислушивались: если летит мина или снаряд, на землю ложились.

Встретили русскую бабушку. Учительницу! Она ходила в разбитые дома и собирала книги. Не вещи, не посуду. Книги! Складывала на тележку. Плакала:

– Надо спасти историю!

Непонятно, откуда все время стреляли.

Мы не нашли еды, но мама успела рассказать мне о семье Николая II. Особенно запомнилось, как царских детей вели на расстрел и они спускались по ступенькам в подвал. Я шла и думала, что детей в подвалах убивают. Традиция такая, наверное.

Мы в подвал только один раз ходили. Все время дома, все обстрелы. Убьют, так хоть дома. Ненавижу подвалы!

11.03.

У меня порвались сапоги. Ноги мокнут. Нет обуви. Я взяла и зашла в чужой дом. Хотя дала слово маме – не заходить в чужой дом. Но зашла – сапоги посмотреть.

Я не заметила, что крышка подвала открыта. Зашла и сапоги увидела. Они лежали на диване. Я на них посмотрела и... упала. В подвал. Но не совсем внутрь. Если б упала, то умерла. Лестницы не было, а три метра глубина, и внизу – бетон.

Я руками зацепилась за края. Вылезти не могла. Сил не было. Провалилась по поясу. На помощь никто не шел. Никто не знал, что я пошла сапоги искать. У меня даже пальцы побелели. И тут зашел дед-чеченец. Я решила, он меня спихнет вниз и я там умру, а он дал мне руку. И я вылезла.

– Что ты тут ищешь? – спросил.

– Я хотела сапоги взять, – сказала я.

– Не стыдно тебе, – спросил дед, – воровать?

Я красная стала как помидор.

– Не туда твои ноги ходят! Не тот путь нашли! – громко сказал дед. – Грех! Грех!

– Я никогда не приходила искать вещи. Один раз...

– Будет тебе и за один раз! – перебил меня дед. – Позор!

Потом он увидел, что я в рваных сапожках стою. Пошел и взял сапоги. Бросил через всю комнату.

– На! – сказал он. – Возьми. Моих бомбой убило. Дочку, внуков убило. Никто не придет в этот дом жить. Все там! – показал вверх рукой.

Я сказала:

– Извините, – и ушла.

В своих рваных сапожках ушла. А потом побежала бегом. Мне хотелось убежать.

Я наткнулась на труп. Его не было полчаса назад. А теперь лежал! Мужчина лет сорока. Русский. Житель. Он лежал и смотрел на меня синими глазами. Рядом ведро. Он за водой вышел. Наверное, его убил снайпер.

Мама нашла варенье и несла в сумке.

– Где тебя черти носят? – спросила она.

Я сказала. Мама дала подзатыльник. Прямо при покойнике. У меня в глазах просияло от подзатыльника. Очень обидно стало.

– Кроме еды, ничего брать нельзя! – строго сказала мама.

Мама нашла одеяло, которое валялось на улице. Накрыла покойника, и мы пошли домой.

Поля

12.03.

О, что было! Мы ходили в церковь через мост. Мост наполовину упал в реку. Потому что бомба попала. Но по другой половине можно пройти. На другую сторону реки попасть.

Еще там, где мост, рядом президентский дворец битый и разбитая гостиница «Кавказ». А на мосту стоит пушка и солдаты. Русские. И стулья стоят, и сидят они на стульях. Это теперь их мост.

Вот мы шли с мамой до церкви и были уже на середине моста. И я вижу: на другом мосту, который дальше через реку, бегут ополченцы. Я их сразу узнала – у них на голове зеленые ленты. Они стали стрелять из такой длинной зеленой трубы, которую носят за плечом. И прямо по нам! С того моста – по этому мосту! Ка-а-ак бахнуло! Огонь! Все попадали.

Рядом с нами тетя шла с мальчиком, чеченцы. И дедушка с бабушкой, русские. И мы. Все в церковь шли – там продукты иногда дают. Казаки привозят.

Как начали стрелять! Бой! Солдаты стали бить пушкой по ополченцам, по другому мосту. Пушка большая! На колесах! Она стреляет, а земля шевелится, как землетрясение.

Я лежала и кричала от страха. А мама меня потащила за шкуру в разрушенную гостиницу «Кавказ». И люди с моста тоже прибежали в руины гостиницы. Там лежали на полу. А стреляли сильнее и сильнее. Я так боялась! Я подумала, вот смерть пришла. Никакой тепловой мины не надо. Так убьют.

Гостиница разбита. По ней тысячи раз попадали снаряды. Стены как кружева. Под ногами куча каменной крошки. Мы два часа там лежали. Познакомились.

Мальчик плакал. К тете Асе на руки залез. Она на полу лежала, его обнимала. А дедушка Борис нас утешал. Сказал, что пули не достанут. Ведь так не бывает, чтобы всех сразу убило. У каждого своя судьба!

Потом мы смотрим, а куча мешков в углу шевелится. Там мусор был, пакеты. Вылезают четыре солдата оттуда. Оказывается, они все время там лежали!

Мама к ним:

– Что вы тут делаете?!

Они:

– Мы прячемся. Мы не хотим воевать!

Дед Борис давай на них ругаться:

– Что вы тут делаете? Бой идет! А вы за мешками сидите!

А солдаты худые такие. Говорят:

– Мы не хотим воевать! Мы домой хотим! Домой!

Когда тише стало, солдаты нас проводили до другого здания. Мама просила у них бронжилет.

– Дайте, – сказала мама, – один бронжилет. Для ребенка!

Но солдаты не дали. Себе, сказали, мало. По три на себя надели. Боялись очень.

Мы перебежали дорогу, залезли через окна в другой дом. А там выход завален. Нет выхода. Нужно с третьего этажа прыгать. Назад не пойти – опять стреляют. Я прыгнула и упала на большую гору битых кирпичей. Ноги ударила и руки поцарапала.

А за мной все попрыгали: охнув, прыгнула тетя Ася; ругаясь, мама; бабушка и дедушка прыгнули вниз, перекрестившись. Дедушка Борис сына тети Аси в воздухе поймал.

15.03.

Мансур приходил. Принес муки на лепешку. Его семья ушла от нас. Еще стреляют, но не так сильно. Они жили у нас, пока сильно стреляли.

У Мансура есть друг. Он живет в соседнем доме. Они всегда вместе ходят. И у них есть подружка с длинным светлым хвостиком. Ей лет шестнадцать. Я ее терпеть не могу!

Тетя Марьям приехала, потом уехала. Некоторые соседи вернулись. Сосед Рамзес со второго этажа всю квартиру коврами завалил, не пройти.

А тетя Варя, мама Мансура, пришла и стала говорить, что все плохо. Ее муж давно уехал, ее с детьми бросил. Уехал в командировку и не вернулся. Нашел другую жену. Мама погадала на картах и сказала ей, что он однажды приедет. Надо ждать!

Я написала стихи:

Всю жизнь мечтаю я,
Как в сказке,
В безбрежном океане плыть.
Свободной быть.
И вольной быть.
Вдали увидеть остров тайный,
Где изумрудная листва,
Где волны плещутся на берег.
Там все друзья и мир всегда!

18.03.

Мама сдурела. Ночью сильно стреляли. Я несла коптилку и уронила. Взрыв!!! Банка из рук упала и покатила.

Пол загорелся и диван. А воды нет.

Мы за водой на колодец ходим. Далеко. Там снайпер часто по ногам стреляет. Воды в доме одно ведро. Мама вылила ведро на пол. Дым пошел. А полы воняют и горят дальше. Мы взяли ведро у тети Марьям, еще полили. Пожар! Чуть квартира не сгорела. Я перепугалась. Мама меня избивала. А сегодня утром притащила к зеркалу и отрезала мои волосы. У меня волосы были ниже плеча. Каштановые. Она меня обстригла налысо. Сказала:

– Это наказание! Надо быть внимательной! Ты мне паркет загубила!

На паркете всего одна дощечка сгорела. Но мама не простила. Избила и волосы обрехала. Я сидела и плакала перед зеркалом. Подбородок дрожал. Мне было противно смотреть на себя. Потом пришла тетя Валя. Ахнула:

– Ты, Лена, с ума сошла?!

И мне сказала:

– Почему ты к нам не прибежала? Мы бы тебя спрятали!

Теперь я надела большой платок. Иначе все дети будут смеяться и обзывать меня.

19.03.

Мы ходили за водой. Труба далеко за садами, где речка Нефтянка. Были дети, женщины. Все с ведрами, бидончиками. Там иногда сильно стреляют из автоматов, мы падаем и лежим.

Мама не простила из-за коптилки. Когда много детей было, она подошла и стащила с меня платок. Сказала:

– Вот как я ее наказала! Теперь она лысая и страшная, потому что была неаккуратна и огонь попал на пол!

Все дети смеялись. Стали говорить: «Лысая башка, дай кусочек пирожка» – и хохотали. А я стояла и плакала. И кажется, что мне лучше умереть, чем жить. Зачем я живу? *Поля*

20.03.

Сегодня день рождения. Мне десять лет!

Я в большом платке, и видно только лицо, как у матрешки. Мама подошла, обняла меня и сказала:

– Я погорячилась, наверное. Вот возьми! – и сунула немного денег. – Это тебе на мороженое! – сказала она.

И пошла по делам. А я сижу и думаю, что мне не нужны эти деньги. Мне ничего не нужно. Она не любит меня. Никто не любит.

Пришли тетя Валя и Аленка. Принесли старое варенье из абрикосов. Это – подарок.

02.04.

Мы ходили на консервный завод. Это далеко. Нужно идти пешком часа четыре. Я, мама, Аленка и тетя Валя.

Там можно взять кабачковую икру. Срок годности истек. Но есть можно, если пережарить. Все носят и едят. Там тысячи банок!

Мы шли через дома и сады туда. Там были сотни людей и корреспонденты. Иностранцы. Они говорили на непонятном языке. Мама сказала, они из Англии и Франции. Эти дяди дали мне и Аленке конфеты! Настоящие! Шоколадные! И ушли. Они что-то фотографировали. А мы сразу все конфеты засунули в рот и съели. О, как вкусно!

Мама и тетя Валя взяли много банок икры. Мы будем обжаривать ее на сковороде!

Но было и страшно. Когда мы шли туда, есть дорога, где едут машины. Эта дорога недалеко от консервного завода. Там лежал человек. Не человек, а такой черный скелет. Немного одежды. Лицо и руки скушали собаки. И середину поели, но не совсем. А рядом сгоревший танк. И больше не было трупов.

Мама и тетя Валя отвернулись и прошли мимо. А я и Аленка остановились. Мы смотрели. Я видела его ребра. Они такие были странные, и куски одежды приклеились вроде. Мама и тетя Валя давай на нас орать.

Мы побрели дальше. Потом я Аленке говорю:

– Вдруг он зашевелится?

Аленка завизжала.

Обратно не хотели идти той же дорогой, но пошли. И опять я не испугалась. Посмотрела – лежит. Все ходят мимо, а он – лежит. Собака подошла, понюхала. Мы отогнали ее палкой.

Решила звать его Танкистом. Он погиб, сгорел в танке. Он русский. Где его друзья? Почему он лежит на дороге?

06.04.

Ох и страшный сон! Танкист приснился. И вроде он мертвый – весь черный, горелый, – а живой! И шевелится. Ползет куда-то. Я кричала. Маму разбудила. Мама опять дала подзатыльников.

09.04.

Были на «Березке». Там очередь была. Дали коробку с красным крестом. Гуманитарная помощь.

Я принесла домой. И вижу – сыр. Я так сыра хотела! Отрезала кусочек. Пожевала. И фу... Это оказалось мыло. Я есть хотела, думала, сыр. Мама открыла консервы. Это тушенка. И мы ели ее из банки ложкой.

11.04.

Пыль. Воняет непонятно чем. Стреляют. Всё война. Опять ходили на консервный завод. Икру едим. Противная, гнилая. Но тетя Валя жарит ее на сковороде с маслом, и ничего. Можно макать лепешку и есть. Я ждала, когда мимо Танкиста пойдём.

Мама и тетя Валя прошли быстро. И Аленка с ними. Я картонку тащила, чтобы его накрыть. Нашла коробку, разломала, чтобы длинная картонка была. А его нет нигде. Смотрю, а в канаве! Кто-то с дороги в канаву спихнул. Мимо машины едут, люди идут с тачками за

икрой кабачковой, а он в канаве лежит. Бедненький! Собаки ножки доели. Вкусно, наверное. Остались только ребра да кости. Страшно смотреть. Но я решила накрыть картонкой.

Мама увидела, как закричит:

– Дура! Дура! Иди оттуда!

Я не знала, что делать, но картонку вниз бросила. Чуть промахнулась. Мама подбежала, за руку схватила. Кричит:

– Собака картонку не снимет, думаешь?! Не трогай и не смотри!

И обратно мы этой дорогой не пошли. Прости, Танкист.

Поля

15.04.

Мы с мамой ходим на базар «Березка». Продаем дедушкины удочки. У дедушки было много удочек. Он был рыбак! На Волге рыбачил. Дядьки покупают. Рыбу будут ловить. Мы покупаем рис, макароны.

Иногда стреляют. Недавно был такой взрыв! Взорвали солдат в машине на остановке. А другие солдаты стали стрелять. И все бежали. Падали. Товар бросили. Мы забежали к одной тете в дом и там в сарае сидели. Потом пошли домой. Еще долго стреляли. Я и мама лежали на траве, и я все думала, прилетит мина или нет. Но не прилетела.

Домой пришли, а там Аленка, Васька, тетя Валя и тетя Дуся. Они слышали взрывы, сидели в коридоре. За нас молились, чтобы нас не убило. Спасибо!

23.04.

Пасха!!!

Я болею. Меня тетя Валя угостила котлетами, и теперь болит живот. Я лежу.

Тетя Дуся и тетя Валя напекли печенье. Приходил сосед – дядя Валера. Принес яблоко. А Васька принес в подарок конфету!

26.04.

Удалось поесть. Мама ходила в центр города. Там бесплатно раздавали хлеб с машин. Какие-то добрые люди, не военные. Все становилось по два-три раза в очередь. И брали три-четыре булки. Мама взяла нам и старикам из нашего подъезда. Они ходить не могут. У них ноги болят.

Мы с Аленкой играли в куклы. Мы решили, что будем сестрами и не расстанемся.

15.06.

Я хожу в школу. Раньше это был детский сад, а теперь школа. Она из красного кирпича. Мою школу № 55 разбило. Остался черный остов. Много людей погибло в подвале. Бомба упала. И другую мою школу, № 32, разбомбили. Там документы сгорели. Но мои бумаги нашлись. Учительница их дома спрятала.

Дети в школе обижают. Обзываются. Один мальчик спросил:

– Ты русская?

Я сказала:

– Да.

Он дал мне пощечину. Я не знаю этого мальчика. Он не из моего класса. Дети обзываются на меня и других нечеченцев: дохлый Ельцин, Исусик, гьаски хак (русская свинья). Что мы сделали плохого?

Эти дети из России приехали – они тут на войне не были, как мы. Теперь говорят:

– Всё тут наше. Наша земля. Всех русских убить!

В класс я одна не хожу. Меня бьют. Одежду рвут, за волосы таскают. Я учителя жду. Только с ним захожу в класс. А до этого за дверью стою. Прячусь. Или в туалете закрываю дверь на замок. Мои тетради порвали. Анжи это сделала. Она взяла и порвала. Аслан и Милана меня держали, а Расул меня ногой бил в живот. Я одна в нашем классе, кого считают русской.

17.06.

Забыла написать: зимой умерла бабушка Аленки. Бабушка Римма была строгая. Аленку любила. Ее хоронили на поляне у дома. Бабушка Римма мерзла в войну. Голодала. Она парализованная была.

У Аленки еще и папа умер. Раньше. Он помогал людям тушить пожар и задохнулся. Храбрый был. Теперь остались вдвоем Аленка и мама ее, тетя Валя. Это наши друзья!

18.06.

Я придумала вот что: в ведро налить воды, развести пакетик сока «Юпи». Потом наливать в стаканы, класть лед и ходить продавать. Я на Центральном рынке продаю. На мне белый платок и белый фартук. А платье зеленое, длинное. Мама в кафе помогает, продает пирожки. За это ей дают пирожки домой и немного денег. Мама работает у чеченцев. У них прозвища – Эдик и Арлет. На самом деле мужа и жену зовут по-другому. Они русскую девочку у себя приютили из семьи пьяниц.

А сок я сама продаю. Деньги отдаю маме. Мало бывает. Можно только хлеба купить и чуть картошки, но я стараюсь.

Сегодня я ходила в ряду, где продают батарейки, часы, кассеты и шоколад, и встретила незнакомую женщину. Она купила у меня стакан сока и заплакала. Потом спросила:

– Как тебя зовут?

– Поля.

– А мою дочку звали Фатима.

И плачет.

– Сколько тебе лет? – говорит.

– Десять, – говорю.

– И ей было десять, – сказала женщина. – Она похожа на тебя как две капли воды. Ее зимой убило в селе. Снарядом. Одна была у меня дочка!

Потом женщина подбежала к столу и купила большую коробку с шоколадом. Отдала мне и ушла.

21.06.

Я люблю учительницу географии. Она живет на остановке «Березка», где базар. Худенькая чеченка. Мы иногда вместе ходим домой.

Не люблю математику. Люблю литературу. А учитель один говорит все время в школе:

– Русских будем убивать! Все русские – свиньи!

После его урока меня бьют дети. Никто не дружит со мной. Кричат, обзываются.

В одного мальчика из первого класса кидали камнями. Мальчик русский. Русских детей мало.

Еще в нашем районе убили бабушку и одну семью зарезали. Других избили. Ой что творится!

Храни нас Бог! *Поля*

01.07.

Читаю книжки. Мало стала играть. Раньше мы строили города из камней и цветов. Сейчас просто играем в историю. История о том, как что-то случилось. Потом об этом забыли, и оно случилось снова. Мама купила куклу.

Мы ели пирожки на рынке. Мама сказала, что мы не будем уезжать из Грозного.
– Пусть, кто хочет, едет! А мы не поедem. Тут наш дом! – сказала мама.

11.07.

Хорошо, придумали занятия в школе – не придется пропускать год.

Я в пятом классе. Плохо, что английского теперь нет.

Стреляют мало. Война закончилась? Теперь будет мир, и мы будем жить?

В классе дерутся. Я не умею драться и не хочу уметь. Очень обидно, когда ударят за то, что у меня русское имя.

Я люблю читать книги. Другие не любят. И я стала рассказывать истории. Они слушают. Потом не дерутся.

На ночь я читаю молитву Святой Деве Марии, чтобы она защитила меня. И ангелу-хранителю.

15.07.

На первом этаже только две квартиры: наша и тети Марьям. А других квартир нет, потому что рядом овощной магазин. Там тетя Амина торгует. Сахар продает.

Тетя Марьям меня любит. Она – ингушка. У нее много братьев и сестер. Когда на Ингушетию напали, они еле спаслись. Старенькая мама тети Марьям шла с другими людьми через тропу у пропасти. А сверху летал вертолет и бросал бомбы. Много людей убило, детей.

У тети Марьям два сына: Юсуф и Акбар. Оба старше меня.

Тетя Марьям часто говорит легенды. Она рассказала, что однажды приключилось так. Человек пошел ночью через лес. Видит костер. Все селяне ликуют – праздник. Пир горой! Он стал танцевать вокруг костра. А потом вспомнил, что у него пистолет, и по обычаю давай палить в воздух. И стало темно-темно. Он оглянулся, а никого нет!

Это духи леса над ним пошутили. Джинны. Злые духи боятся выстрелов. Поэтому на Кавказе, когда родился младенец, его отец всегда стрелял в воздух из ружья. Чтобы злые духи убежали!

23.07.

Видели учительницу Елену Александровну! Она пригласила нас в гости!

А тетя Марьям сказала, что видела гномов. Это злые духи шутят. Джинны. Надо молитвы читать. Тетя Марьям мусульманские молитвы читает – «БисмиЛляхи».

Патошка, девочка с третьего этажа, сказала, надо читать Коран.

05.08.

Много соседей уезжают. Квартиры дешево стоят.

Мама говорит, нашу никто не купит. Бабушка Катя с Верой уезжают. И соседка Аня. И тетя Наташа.

Мне некогда. Я с утра до ночи на рынке. Торгую. *Поля*

08.08.

На тетю Валю нападают. Хотят ее квартиру отнять. Угрожал дядя Адам из нашего подъезда. Адам и Айшат приехали недавно. Они тут раньше не жили. У них трое детей. Адам на тетю Валю говорит, что та – русская.

Мы были в гостях у тети Вали, а он бил дверь ногами. Аленка испугалась, залезла под кресло. Я выскочила на балкон. У тети Вали второй этаж. Лето – все балконы открыты, но никто не застывает. А дядя Адам ногами двери бьет, но они крепкие. Не ломаются. Я стала кричать:

– Помогите! Помогите! Нас убивать пришли!

Орала пять минут. Никто не вышел. Аленка редела. Потом тетя Амина, у которой шесть детей и которая недавно заняла квартиру над тетей Валей, вышла в подъезд. Она уговорила дядю Адама уйти. Сказала, ее детям не нравится, как мы орем.

13.08.

Учительница Елена Александровна сказала, что уедет из Грозного. Она полюбила одного русского солдата. Он тут приехал воевать. Она нас с ним познакомила. Он купил мне шоколадку! Мы видели их на базаре «Березка».

15.08.

Мы ночуем у тети Вали. Сторожим, чтобы ее не убили. Тетя Фатима тайно нам помогает, чтобы никто не знал. А то ей попадет! Она вечером дверь подъезда запирает. Она живет в одном подъезде с тетей Валей.

Тетю Валю мучает домовый. Он душит ее во сне. И наяву балуется. Она рукой провела по себе, когда задыхалась, и почувствовала что-то шерстяное. Стала молиться – прошло. Поставили домовому блюдец с хлебом и водой.

19.08.

Дядя Адам хотел маму и тетю Валю зарезать. Они шли на базар «Березка», а я и Аленка стояли на балконе и все видели! Дядя Адам взял нож и побежал по нашему двору. Кричал:

– Зарежу русскую тварь! Как барана зарежу!

Солнечно было. И много людей, соседей. Еще рабочие были. Они стекла в рамы вставляли, потому что стекла от взрывов выпали. И никто не заступился.

Аленка плакать сразу. А в зале у Аленки есть икона: Дева Мария и Иисус Христос маленький. Аленка плакала:

– Что делать?

– Надо просить! – сказала я.

Мы стали на колени и просили: «Пожалуйста, Дева Мария, сделай так, чтобы наших мам не убил дядя Адам. Пожалуйста!»

Потом слышим – дядя Адам идет. Он пришел в подъезд и стал бить ногами дверь. Бил ногами и кричал, что нас убьет. Что мы русские, а всех русских надо зарезать и квартиры забрать себе.

Мы в шкаф спрятались и там сидели. Мама и тетя Валя потом пришли. Нашли нас в шкафу. На нас полка упала, но мы не вылезали – боялись. Вдруг мамы мертвые лежат во дворе? Как посмотреть? Но оказалось, когда дядя Адам побежал за ними, моя мама не стала убегать. Она сказала ему громко:

– Ты трус! Ты не чеченец! Чеченец не будет за женщинами бежать, чтобы ударить ножом со спины. Ты не мужчина. Я сниму свою юбку и одену ее на тебя!!!

Все во дворе стали смеяться. Ведь это позор – ударить со спины! Позор мужчине – надеть юбку! Какие-то люди подбежали и дядю Адама, с ножом в руке, отогнали, а мама и тетя Валя ушли. Тогда дядя Адам подождал, пока они уйдут подальше, и пришел нас пугать. Двери бить.

Поля

29.08.

Дядя Адам подговорил алкашей и воров. Они тете Вале угрожают. Тетю Валю защищают дядя Валера, мы и тетя Фатима.

Вчера вечером дядя Адам все-таки сломал замок в квартире тети Вали и ворвался туда. Пьяный. С пистолетом. А мы по телевизору сериал смотрели: я, мама, Аленка и тетя Валя. Мама схватила топор, взяла дядю Адама под руку и вывела из квартиры тети Вали. Сказала: – Еще раз придешь, я постучу по тебе, как по бревну! И пистолет тебе не поможет! Адам, пошатываясь, убежал.

10.09.

Я пошла в шестой класс.

Мама хочет квартиру продать за пять тысяч рублей. Тетя Марьям помогает продать. Но никто не покупает. Дают одну или две тысячи. На это нельзя уехать.

Солнечно.

Я уроки делаю. В школе всякое. Раньше дружили, теперь все враги.

10.11.

Некогда было писать. Мы путешествовали: я, мама, Аленка и тетя Валя. Ехали на автобусе и видели горы! И осла!

Мы были в городе Моздоке. Побывали в двух деревнях Ставропольского края. Там живут русские добрые люди. Мама и тетя Валя хотели купить маленький домик, чтобы мы вместе жили. Мама свою квартиру продаст, а тетя Валя свою. Так решили. И купим один дом! Мы с Аленкой будем всегда как сестры.

Люди в русских деревнях, как только узнавали, что мы из Грозного, сразу звали в гости, кормили, чай давали. Нам игрушки тетя Лизавета подарила и бабушка Ольга.

Обнимали. Говорили, мы можем жить у них какое-то время. Местные люди беженцам помогают. С огородов еду приносят. Вещи собирают. Нам мешки надавали! Мы даже забрать все не смогли.

Мы нашли дом у реки, за семь тысяч. Рыба в реке и грибы в лесу. Нас там в школу берут. Директор добрая. Мне все очень понравилось!

Потом мы вернулись, хотели квартиры продать. Но никто не купил. Тетя Валя подумала и решила, что тут ее муж похоронен, родные. Что, наверное, не нужно уезжать. Может быть, будет мир?

Мама любит Грозный. И мы остались.

21.11.

Приходили в гости дед Шамиль и два его сына. Сказали, что в городе опасно. Много людей хотят воевать. Мама дала им чай и шутила.

Дед Шамиль благородный. У него длинная борода. Он любит книги. Мама много ему книг подарила из библиотеки дедушки Анатолия. Некоторые книги не сгорели. Дед Шамиль полную машину собрал.

Его сыновья взрослые, но когда он говорит – они молчат. Только если он им разрешит, они говорят. Это обычай такой. Мне они принесли халвы и конфет.

Мама красивая в новом халате и зеленом платке.

04.12.

День рождения был вчера у Аленки. Теперь ей десять лет. Но мне одиннадцать скоро! Я главное!

Опять свет отключили. Сидим в темноте. Пишу при свечке.

Соседи тетю Валю достали. Хотели влезть через балкон, чтобы убить. А моя мама взяла гвозди и вбила изнутри балкона. И вот сосед Джим из дома напротив и сосед Бауд полезли ночью. Они лестницу с огородов принесли. Приставили к балкону и полезли. Потом как закричат! Все руки порезали гвоздями. Орала! На крик мама проснулась. Мы у Аленки ночевали. Пошла на балкон и пнула их. Они с лестницей улетели вниз. Кричали на весь двор:

– Русские сволочи! Твари! Зарежем!

А мама сказала:

– Хрен вам, а не русская квартира! Подлые гады, не троньте Валю!

Другие соседи говорили маме, чтобы она тетю Валю не защищала. Маму все любят. Зовут ее Лейла. Но мама сказала, что не уступит. Маму Лейла называет мой отчим Руслан. Он – чеченец, друг сердца мамы. Мама его спасла. На рынок приехали бэтээры, и мужчин хватили. Потом пытаются и убивают. Везут в такое место, называется – фильтрационный лагерь, и там убивают. Руслан продавал запчасти от машин. Всех в его ряду на рынке схватили: и парней, и дедушек. Мама дала Руслану пустую бутылку для воды и стала кричать:

– С сердцем плохо! Воды! Воды!

Солдатам сказала, что Руслан – ее сосед и ей воды принесет и лекарства. И его отпустили. Всех, кого забрали, больше никто не видел.

10.12.

Мы делаем ремонт. Побелили потолки. Я красила и белила, как и мама.

Руслан торгует старыми деталями для машин. Хватает на еду.

Не хожу в школу. Бросила. Мама сказала, что я могу год пропустить. Потому что дети пропали из школы. И еще были мины-игрушки. Мы их не тронули, а одному мальчику оторвало руку. Он хотел посмотреть, что там за коробочка.

На Аленку и на меня напал маньяк. Голый мужик из кустов. Аленка стала кричать, а я в него камень бросила. Он целый квартал нас преследовал, а потом убежал куда-то. Вероятно, опять в кусты.

Я дома читаю учебники и рисую сказку: Русалочка стала человеком и попала в наш мир. Ее ждут приключения на войне. Ей будет помогать маленький дракон.

16.12.

Мы иногда ночуем дома, иногда у тети Вали.

Мама придумала так сделать: взяли старое радио, отрезали провода. Провода зачистили ножом. Я и Аленка помогали. За окнами дождик шел. Варили макароны. А ночью, когда мы с мамой домой идем, провода на подоконник тетя Валя кладет. Заземление называется. А вилку в розетку. Если кто-то через окно пойдет убивать тетю Валю, попадет под электрический ток. Днем провода убираем. Так живем.

Злые люди с гор приехали. Все себе забирают. Много уехало соседей: кого избили, кого прогнали.

Мы остались. У мамы Руслан есть. Ему в России тяжело жить – там чеченцев не любят. Тетя Валя осталась с Аленкой, сосед дядя Валера и старики остались. Им ехать некуда. Родных нигде нет.

23.12.

Скоро Новый год. Мы решили с Аленкой загадать, чтоб больше никогда не было войны. Надо так: написать на бумажке, зажечь ее и бросить в шампанское. Нам шампанское никто не даст, поэтому мы в чай бросим.

Соседи, которые поселились в домах вокруг, кидают мусор в окна. Огрызки, шкорки². Кричат, дерутся. Недавно во дворе была драка. Старые соседи дрались с новыми. И те, и те – чеченцы. Они били друг друга каким-то пнем, который лежал неподалеку. Мы с Аленкой с балкона смотрели.

У Аленки своя комната, еще зал и комната тети Вали. У них много мебели, как и у нас. Разные вазы, посуда. Я люблю огромное кресло в зале. Мы на нем всегда вдвоем сидим. Я и Аленка.

Еще у моей мамы есть дар. Это когда человек знает то, что никто не знает. Мама пришла вчера к тете Вале и говорит:

– У тебя смерть в доме!

Мы очень испугались. Тетя Валя сказала, что неправда все. Это глупость! Но потом под кровать полезла, а там дохлая мышь.

² Очистки, кожура. – Все примечания, не обозначенные пометой *Примеч. авт.*, сделаны редактором.

1996

12.01.

Холодно. Подарков не подарили. Нет света и воды.

Хава приходила, моя подруга. Хава стащила карты у старшего брата. Я ей сказала, что брат пожалуется родителям, а Хава говорит:

– Не пожалуется!

Я удивилась. Как – не пожалуется?!

– Это вот какие карты! – показала Хава.

А там, на картах, все женщины голые, без одежды.

– Я их стащила! Теперь – мое! – И Хава хотела подарить мне одну, где тетя без трусов.

Но мама меня прибьет. Я не взяла.

Хава ушла.

20.01.

Мама торгует пирожками на Центральном рынке. Я торгую товаром: расчески, иголки, ножницы. Мы берем товар под реализацию у азербайджанцев. Они из города Баку. Торгуют тут. У них свои торговые ряды.

Холодно. Но я целый день стою на морозе. Надо работать. Сказку не дорисовала.

Ухает. Опять где-то стрельба.

01.02.

В городе стреляли. Я напугалась. Была на рынке. А машина взорвалась у памятника. Сидела под столом, пока стреляли. Все испугались. Дышала по йоге. Хорошо. Потом затихло, и я продолжила торговать.

Дома боюсь быть одна. Дети новых соседей начали бить окна палками и стучать в дверь. Кричат оскорбления. На двери написали «русская сука». Мама дверь мыла. Руслан ругался. Тетя Марьям сказала, что не знает, кто из детей написал.

Дети новые. По-русски не говорят.

В собак стреляют. Убили собак во дворе. *Поля*

09.02.

Торговала. Ужасно стреляли со стороны, где президентский дворец. Все с рынка бежали. Мама ходила искать бабушку Элизабет в районе Минутки. Но многоэтажный дом, где жила моя бабушка по отцу, разбит бомбами. Сказали, что все погибли. Никто не выжил. *Поля*

07.03.

Идут бои. Пулеметы, автоматы. Самолеты летают, стреляют.

Мы прибежали с нашей остановки «Нефтянка» на остановку «Березка». Там живет подруга мамы Иля. Они вместе работали когда-то.

Война проснулась. Тетя Иля по радио слышала, что командир Гелаев и его люди пришли в Грозный, а российские солдаты их не пускали.

13.03.

Убило ребенка. А его маму не убило. Снаряд разорвался во дворе.

Мы стараемся не выходить на улицу. Много убитых.

Видели бабу Стасю с ведром воды. Эта старая бабушка дружит с бабой Ниной. Живет в нашем дворе.

07.04.

Тетя Амина сказала, что в селе Самашки убито военными много жителей. У нее там брата убило и всю его семью: жену и детей.

Мама сидит и курит сигарету. Как я терпеть не могу сигареты! Она меня бьет полотенцем, если я их ломаю. И тетя Амина сидит и курит. И обе плачут.

А дядя-армянин по имени Эдик исчез. Просто пропал. В его доме поселились какие-то люди. Нерусские.

24.04.

Опять я на рынке торгую. А что делать? Надо жить дальше! С утра наторговала немного. Купила пирожок с картошкой.

Учу чеченский язык. По-русски теперь мало кто говорит. Книжку мне тетя Марьям дала. Там есть слова: «Ха це ху ю?» (Как тебя зовут?) «Хо ху дешь ю?» (Что ты делаешь?) И другие.

16.05.

Мамин день рождения! Купила ей бусы. Она обрадовалась.

Хава в гости зашла. Аленка была. Я им рассказала сон. Мне приснилось, будто я хожу по базару «Березка». Зима. Снег. А навстречу мне идет Дудаев-президент. Он одет в длинный красный плащ и военную зеленую форму. Дудаев меня увидел, засмеялся. Сказал: «Мы еще повоюем!»

23.05.

За домом в садах бывает странное. Вечером туда никто не ходит. Не из-за стрельбы. Ислам и сын Умара видели там призраков. Не знаю, врут или нет.

Еще на садах сгорели папа Аленки и мальчик Вадик.

А чуть раньше у Аленки умер кот. Черный такой. Мурик звали. Он долго мучился. Отравился. И умер в тазу. Тетя Валя его закопала под черешней. И все.

А потом мы смотрели у тети Вали телевизор. Я, мама, тетя Валя, Аленка, дядя Валера, баба Надя и тетя Фатима. И еще тетя Амина. Вдруг свет отключился, гроза. И кот как мяукнет. Страх, аж пот полился. Это *его* голос! Больше нет котов у тети Вали. Он, невидимый, ходил и орал по квартире. Все замерли от страха. Никто не знал, как быть. Я плакала и уши закрывала. Кот-призрак ходил по комнатам и орал. Баба Надя стала читать молитву «Отче наш». Но он не ушел! Тогда моя мама говорит:

– Мурик! Мы тебя любим. Но ты умер. Мы тебя под черешней закопали. Иди туда. Иди! Ты кричишь – дети боятся, плачут. Иди, милый. Мы тебя не видим!

И мяуканье тихо-тихо ушло. И пропало. Все еще полчаса сидели и пошевелиться не могли. Но, слава богу, Мурик нас больше не пугал. Ушел.

03.06.

Попали под обстрел! На базаре «Березка». Кто-то танк взорвал. Потом военные хватили людей и тащили в машины. Женщины дрались. Не давали забирать. Мама предупредила Варю из дома напротив, чтобы она Башира и Мансура из дома не выпускала.

Башир такой злой стал. Камни в меня кидал, обзывал русской тварью. А у самого мама русская. Но он гордится, что у него фамилия папы!

Аленка пришла. Пока!

14.06.

Воды нет. Ходили за водой на огороды. Там колодцы. Я ключи от квартиры уронила.

Не миновать мне тумачков от мамы! Спасибо, Хава и Аленка помогли проволокой ключи достать. Полдня возились. Но достали.

Я до сих пор в косынке хожу. Еще волосы не отросли.

19.06.

Как надоели коровы и козы! Появились стада коз и коров во дворе. Утром люди из частного сектора выпускают их на улицу. Они ходят всюду и срут. Козы сожрали все кусты, маленькие деревья. Коровы все топчут. Их сотни!

Мама поругалась с одной теткой, что ее козы все пожрали. А эта тетка стала угрожать, кричать, что всех русских надо убивать. Дура какая! Никого не надо убивать!

Живет эта крыса за Красным садом, по дороге на базар «Березка». Тетя Валя сказала, что русским житья нет – всех гонят, квартиры отбирают. Но дядя Адам тихо сидел и уехал даже на время.

А бабушку Вовки избили и тетю Клару. Они уехали из Грозного. Теперь в их квартире другие живут. *Поля*

23.06.

Мы семечки продаем. Приходил Васька. Его мама Дуся и папа Петя живут на третьем этаже в другом подъезде.

Они не хотят из Грозного уезжать!

Васька принес печенье. Мы проигрыватель слушали. Он старый, и там пластинка вертится. Это проигрыватель дедушки Анатолия.

Мансура нет. Говорят, он в тюрьме. Забрали для разбирательства.

Сосед, дядя Иса, сказал, что русские солдаты друг в друга стреляют иногда. Друг друга ненавидят. *Поля*

27.06.

Стрельба! Лежали на траве. А на остановке «Березка» убило тетю и девочку. Прямо у подъезда. Они воду несли в ведрах, а снаряд разорвался.

01.08.

Выходных у меня нет. Торгую. Просыпаюсь в шесть утра, ем и собираюсь торговать. На рынке до шести вечера. Ем пирожок, если наторгую, если нет – ничего не ем. Потом иду домой и убираю, стираю. Воду приношу с огородов. Потому что в доме воды нет. Аленку не вижу. Мама орет, ругается. Тетя Марьям защищает. *Поля*

06.08.

Сегодня около четырех утра стали стрелять в нашем Старопромысловском районе. На остановке «Нефтянка». Сначала далеко, потом близко. Именно – автоматы.

Соседи сначала тихо сидели. Я подушку на голову положила и лежала. Потом соседи стали стучать к нам и в квартиру тети Марьям. Мама поставила табуретки. Все дети сели. Патошка пришла, ее сестра Ася и их бабушка Зина. Они – аварцы. Живут на третьем этаже, в нашем подъезде. За ними пришли к нам соседи со второго этажа, а к тете Марьям с четвертого этажа пришла тетя Тамара, ее дети и племянники.

И так сидим. Опять говорят – война. О, бухнули за окном из пушки!

07.08.

Прибегала Румиса, чеченка, что живет в доме рядом. Бойтся, чтобы соседи боевикам не сказали – ее брат спас русского солдата, летчика. Они в армии вместе служили. Теперь его

дома прячут. Он сильно ранен. Его зовут Иван. Они называют его Рамзан – врут, что он немой брат мужа. Ведь он по-чеченски ни гугу!

Мама дала ей валерьянки.

08.08.

Пришла война. Всюду боевики. Они русских военных прогоняют из Чечни. В нашем районе боевиков где-то сто человек. У них есть командир. Маленький такой дядька, шустрый. Все зовут его Батя. Это прозвище. Еще у них есть один боевик лет двадцати. Нахальный. Пошел и где-то мыло украл. А люди пожаловались Бате. Ох и досталось умнику!

Батя перед всеми во дворе его поставил и давай орать:

– Мы воюем с русскими захватчиками! – Потом по-чеченски чего-то, а потом: – Аллах, как мне стыдно за тебя! Харам! Ты не воин, ты – вор!

(Харам – это грех.)

А боевик молодой руки в боки и отвечает:

– Я двоюродный племянник Дудаева. Не смей на меня орать! Пошел!

Вот Батя разозлился! Как стал орать на русском и чеченском вперемешку. Но смысл такой: если еще чего тот украдет, Батя не посмотрит, чей он племянник, а выгонит его из отряда с позором. Все соседи обрадовались. Батю благодарили. Остальные боевики тише воды сидят. Никуда не лазают.

А еще боевики в основном поселились в квартиры. Люди их принимают у себя! Кормят.

В первом подъезде живут на первом этаже. Хава прибежала, радовалась. Они с мамой уедут в Ингушетию – там мир, а папа Султан останется вещи сторожить. Ее папа мне нравится. Он никогда не ругает Хаву, все ей прощает. Очень любит!

У тети Марьям в квартире девушка спит. Ее Лайла зовут. У нее длинная коса, а сама она худая-худая. Без платка. Мама и тетя Марьям давали ей еды. Она отказалась. Только кофе выпила чашку. Лайла – боевик. Ей девятнадцать лет. Русские солдаты пытали ее мужа и убили. Они бросили его и других людей на заводе в известь. Мама говорит, кошмар! Сожгли заживо.

И Лайла все узнала. Она оставила ребенка двух лет с бабушкой и дедушкой и взяла автомат. Никогда не держала в руках оружия, а когда убили ее мужа ни за что, она взяла. И теперь воюет.

Еще есть два боевика в отряде шестнадцати лет. Они надели шляпы, как пираты. Перед ними вертятся дворовые девчонки по пятнадцать лет. Одна из них дочка Тамары, из нашего подъезда. Ее прозвище Пушкинка. Она ходит легко, как танцует. А другая девчонка из дома напротив. Ее зовут Рита. У нее волосы кудряшками. Они прибегают к этим боевикам, шутят с ними. Хохочут. Вареньем угощают. Варенье на хлеб мажут и дают бутерброд.

А мама сказала боевикам в шляпах:

– Вы – дети! Чего вы шляпы надели и перья на них прицепили? Домой идите!

А боевики в ответ пищат:

– Тетенька, нас все равно убьют. Мы специально оделись красиво. Мы хотим, чтобы нас красивыми запомнили!

Мама моя покачала головой и ушла, а я сижу записываю. Солнечно! Стрельба всюду, пули летают, а девчонки хохочут с боевиками в шляпах. Варенье едят. Очень нравится Пушкинке синеглазый. Его зовут Ратмир. П.

09.08.

Ночью пошли за водой взрослые. А меня не взяли. Я очень боялась. В квартире тети Марьям сидела с Лайлой. Все боевики куда-то ушли, а Лайла осталась почему-то.

Во дворе много жителей. Детей! А стреляют снарядами прямо по двору. Дети маленькие, не понимают, что нельзя выходить.

Я выходила днем и видела Ваську. Он на год младше меня. Играл на улице. Тут стали стрелять, и мы в их подъезде сидели. Дедушка Идрис сказал, что война скоро закончится, и дал нам пряник. Мы пряник поделили.

Видела мальчика Ислама из переулка. Он был с мамой. Они, пригибаясь, бежали под обстрелом мимо забора.

Я взяла мамины духи и побрызгалась. Мама унюхала и так меня избила! Руками и полотенцем. Больно. Сказала, чтобы я ничего у нее не брала. За меня папа Васьки вступился. Но она и на него кричала. Мама кричит и дерется. Почему? *Поля*

10.08.

Взрывы во дворе. Я сижу на кухне. Наш дом горит. Все верхние этажи. Дым. Но я не ухожу. Я вздрагиваю, когда залетает снаряд в верхние этажи, но сижу. Не двигаюсь. Не иду в коридор или на улицу.

Мамы нет. Она ушла с людьми на рыбную базу. Там в ящиках рыба. Мама обещала принести рыбы старикам со второго этажа и из дома напротив. Им нечего есть. Мама пошла с другими тетями.

Я сижу на кухне. Я не знаю, как придет смерть, и мне нестрашно, только когда пишу. Я думаю, что делаю что-то важное. Я буду писать.

К нам на днях приходил дядя Адам. Извинился. Мама ему все сказала за тетю Валю. Адам извинился, сказал, что ему стыдно. Он думал: Валю напугает и она убежит, а ему – квартира и вещи!

– Я убить не хотел, – сказал дядя Адам. – Только напугать.

Он тоже ходил на базу за рыбой, но никому не дал без денег. Продавал!

Пожар потушили в нашем подъезде, а дом № 88 горит. Ох, горит! Дым черный валит. Всюду стрельба. Куда-то Лайла исчезла. Боевики куда-то делись. Русские солдаты наступают?

Ранило мальчика в среднем подъезде. Ему семь лет. Все ноги в осколках. Опухли.

Пришла мама. Раздала рыбу. Бесплатно. Нам две рыбки оставила. Мама и соседки попали под стрельбу.

11.08.

Ингуши, родственники тети Марьям, сказали, что пойдут в беженцы. Вертолеты и самолеты стреляют по «коридору», когда люди идут. Многих убило. Женщина с ребенком долго лежали на трассе, раскинув руки. Тетя Марьям видела.

Мама сказала, мы не пойдём по «коридору» в беженцы. А Барт и Зулва с ребенком пойдут. А нам они свои ключи дали. Сказали, у них в частном доме подвал, чтобы все люди, кто хочет, шли в их дом и прятались. Всю их еду можно брать и есть.

С нами решили пойти Юрий Михайлович и его жена. Они очень боятся бомб из самолетов.

Тетя Валя и Аленка пошли к деду Паше и дяде Саше. У тех частный дом в переулке. Дядя Саша – друг погибшего папы Аленки. Он добрый! Всегда детям раздает подарки, конфеты, когда у него зарплата. Мы с Аленкой ждем этот день. Нам он много чего покупал.

Убило стариков в пятиэтажке. Ее ночью обстреляли из танков. Она горела. Люди бежали. Старики не успели. *Полина*

21.08.

Буду все писать по порядку. Последние недели самолеты летали кругами. Бросали бомбы. Вертолеты тоже!

Я смотрела на небо и думала, что нам дали сорок восемь часов. Так по радио сказали – потом всех убьют.

Мы сидели в маленьком подвале. Там не укрыться от глубинных бомб – это бомбы, которые стирают в пыль дома и людей. Какая-то сволочь придумала нас убить ими. Мы сидели в темном, душном подвале: я, мама, дедушка Юрий Михайлович и его жена, бабушка Наташа, – и ждали смерти.

Дом частный, тех самых людей, которых мы и не знаем толком. Они в беженцы пошли. Пешком. Дорогу обстреливали. И никто не знает, живы они или нет. Мы ели борщ из капусты. Пекли лепешки на костре, когда стреляли тише.

А еще что случилось! Мы с мамой пошли к нам в квартиру вечером – воды принести для цветов. На улице светло было. Там много соседей у подъезда. Затишье. Тетя Тамара, ее дети, и дядя Адам, и много соседей. Песни пели и семечки грызли. Мы сказали «здрассте» и пошли к себе. Только дверь закрыли – такой взрыв! Меня швырнуло до кухни, через весь коридор. Я полетела на пол! Мама упала. В подъезд снаряд залетел. Откуда-то боевики прибежали. Наверное, из садов – во дворе их давно не было. Они прибежали, стали раненых людей вытаскивать. Гарь, дым в подъезде! Крик ужасный! К нам ворвались, кричат:

– Дайте бинты! Куча людей ранена, соседей ваших!

Мама схватила простыню, стала рвать ее. Потом видит у боевика нож за поясом. Кричит:
– Ножом быстрее!

Они стали резать простыню и соседей перевязывать. Я лежала на полу. В ушах звенело. Потом мама говорит:

– Я еще простыни принесу! И жгут. Сильно течет кровь!

И зашла назад в квартиру. И тут еще один страшный взрыв. Это второй снаряд прилетел в подъезд. Все, кто на помощь прибежали, ранены или убиты стали. А мама чудом уцелела.

Крик стоял страшный. Наша дверь от взрыва перекосилась. Мы же на замок не закрыли. Она не вылетела поэтому совсем. Я поползла в подъезд, а там... Там части тел людей – куски от них и крови много. И кровь густая, темная-темная. Дядя Адам кричит. Под нашей дверью головой бьется в пол. Ему ногу до колена оторвало. Он же в подъезде для соседей на гармошке играл! Выпивший.

Юная Пушинка держится за живот и кричит:

– Ратмир!

Тетю Жанну, соседку, на куски разорвало, а тетя Тамара кричит: ее ранило, а сына ее убило. Ее сын у подъезда сидел. Оказалось, убило Ратмира – в шляпе, того, что нравился Пушинке. Он людям на помощь прибежал. Другие соседи ранены.

Мама дяде Адаму, соседу со второго, из нашей грелки жгут на ноге завязала. Он кричал:
– Лена, убей меня! Убей! Мне больно!

А мама:

– У тебя четвертый ребенок на днях родится. Придется жить. Адам, терпи!

Потом какие-то ополченцы-боевики погрузили наших раненых соседей в машины и повезли в больницы. Конечно, они могли так и не делать. Соседи же обычные люди. Но они не бросили их.

Затем я пошла по ступенькам, и мои ноги были по щиколотку в крови. Я вся была в крови! Вся!

Во дворе несколько боевиков сделали живой щит из себя и всех женщин и детей (меня и маму тоже) вывели со двора. Из зоны обстрела. Они прикрывали нас собой! Причем мы их раньше никогда не видели!

Дедушка-сосед Юрий Михайлович испугался, когда меня увидел – думал, я сильно ранена. Но все мои вещи были в чужой крови.

Не могла писать сразу. Я просто лежала и смотрела в потолок.

А тут сорок восемь часов объявили власти России. И все. Вот и все. Нам конец.

Боевики на следующий день, после того как разорвались снаряды и в нашем дворе убило много мирного народа, постучали в дом. Тут, где мы живем, частный. Мама пошла открывать. Они не зашли. Просто сказали:

– Мы знаем, ребенок у вас (это я-то ребенок!) и старики. Мы молока принесли.

Поставили две пластиковые бутылки с молоком на землю и ушли. У них еще ящик молока был – они всюду, где дети и старики, разносили молоко.

Мы добрались до Аленки и тети Вали. Они у деда Паши и дяди Сашу. Дядю Сашу хотели расстрелять. Он вел дневник, как и я. Писал матом ругательства про военных. Боевики дневник нашли, про себя прочитали и хотели его пристрелить. А он им сказал:

– А вы про русских военных почитайте!

И перевернул страницу. Те почитали и давай хохотать – такие там ругательства. Отпустили дядю Сашу. Но дневник не отдали. Себе забрали. На память!

Тетя Валя дала нам вареников с картошкой. *Поля*

23.08.

Рассказывают, что некоторые русские солдаты перешли на сторону боевиков. И воюют за Чечню. Когда нас перестанут бомбить самолеты? Когда?! Когда нам перестанут давать по сорок восемь часов перед тем, как убить?

Подумала и написала посвящение России:

Мне бы росту поболее,
Мне б подтверже шаги.
Поле, русское поле,
Мы с тобой не враги!

От твоих колоколен
Так чиста благодать.
Кто-то сыт и доволен,
А кому – умирать.

Но цветы здесь не хуже!
Небо – даже синей!
Почему мы не дружим?
Вся земля – для людей!

Эту боль, эту память,
Эти роскошь и хлам
Я терзать не позволю
И топтать не отдам!

Мне бы плечи пошире,
Мне бы руки сильней,
Я для друга могилу
Отыщу среди камней.

И с его автоматом
Через лес уходя,
Я лесным стану братом.
Я забуду тебя!

28.08.

У нас живет девочка Кристина. Ее сильно ранило. Танки стреляли снарядами. Ей сделали операцию. Другого ребенка не спасли. Мы знаем маму Кристины, тетю Оксану. Она на базаре картошкой торгует. Кристина у нас пока живет. Ей семь лет. У них в квартиру прямое попадание. Их дом на остановке «Ташкала».

Мы дверь свою починили.

Сосед Адам в больнице. Ему ногу оторвало снарядом. У Пушинки осколки в животе, а у тети Тамары в коленке. Еще соседей ранило – кого в голову, кого в ноги. Стреляли с русской части, говорят. Остальных похоронили, кто не выжил. *Поля*

02.09.

Хочу учиться. У нас будет школа?

Мама узнала, что ее знакомого убили в августе. Он в своем дворе был. Его звали Алауди. Меня нянчил, когда я была маленькая. Мама расстроилась.

Кто-то убил котят, что жили под лестницей. Расстреляли по одному на глазах у кошки. Я видела их трупы. Тетя Фатима и мама хоронили котят.

11.09.

У моих друзей, Сашки и Эрика, убило папу. Их папа был азербайджанец, а мама русская. Его убило в доме. Когда стреляли и русские, и боевики.

Эрику – четырнадцать лет, а Сашке – десять лет. Эрик побежал в госпиталь и в него стрелял снайпер. Но он добежал. А его папа все равно умер. Теперь у них только мама и бабушка остались. Сашка боится стрельбы. Если стреляют, он лежит в коридоре и голову закрывает руками. *Поля*

01.10.

Дети меня ненавидят в школе. Камни бросали в меня и Аленку, когда мы шли домой. Я даже их не знаю. Просто они узнали, что у нас русские фамилии, и кричат: «Русские свиньи». Это новая школа – мой шестой класс.

Один мальчик из десятого класса подошел и при всех меня ударил. Мы стояли в зале – мой класс и учителя. Я от удара упала на пол. На мне белая кофточка вся испачкалась. Он сказал: «Ты русская сука!» – и ушел. А все отвернулись. Никто мне не помог подняться. Даже учительница ничего ему не сказала.

Я не знала, как быть. Мне стало так стыдно! Я совсем не умею защищаться. И быть «русской» плохо. А раньше так не было. *Поля*

09.10.

Меня хвалили за сочинение. Его читали перед всем классом. Я написала про парусник. Парусник плывет в океане. На земле войны, а на нем мир. И там все те, кто не хочет воевать. Мне поставили пять с плюсом за сюжет и три с минусом за орфографию. Когда я пишу, то делаю кучу ошибок.

Еще приходил другой учитель. У всех детей спрашивали: кто в их семье боевик? Обещали награду и курорт. Дети говорили, а это все записывали на листочке. Потом раздавали подарки. Мне не дали ничего.

На физкультуре я пошла на улицу, а дети из нашего класса взяли за руки и давай орать: – Мы не будем с тобой играть! У тебя русское имя! Пошла вон! Убирайся! Русская!

Учитель промолчал. А у меня внутри пусто стало. Почему они со мной так? И я ушла. Сидела одна на скамейке среди деревьев. Недавно там обнаружили труп мужчины в куртке. Его объела собака. Он тут несколько дней лежал. *Поля*

14.10.

Сегодня мне впервые признались в любви. Я читала Блока, мое любимое – «Демон»:

Иди, иди за мной – покорной
И верною моею работой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой...

А тут Сашка постучал. Сын тети Али. Постучал и говорит:

– Я тебя люблю, Поля!

Он младше меня на год. *Поля*

16.10.

Конечно, я не сказала. Но мне больше нравится его старший брат Эрик. Он очень храбрый. Он бегал спасать папу.

А Сашка маленький.

Когда моя мама орет на меня, ругается, Сашка стучит к нам, будто зовет меня вынести мусор. У нас огромная свалка за домами, похожая на гору Эверест крысиного масштаба. Никто мусор машиной годами не вывозит. Мы берем ведра и идем туда. Так он спасает меня от мамы и ее тумачков.

28.10.

Я у тети Вали и Аленки. Они живут у деда Паши в частном секторе.

Я пришла домой из школы: дверь открыта, ключи в замке, а мамы нет. Нигде. Побежала до тети Вали. Она говорит:

– Маму твою убили! Всех русских режут, убивают. Пошли искать ее тело.

Мы вернулись к нам домой.

Тетя Валя говорит:

– Открывай шкафы! Ищи. Русские военные сдали Грозный – теперь нас всех убьют. Всех.

А я ее слушаю, и у меня руки трясутся. Почему маму убили? При чем тут моя мама? Как мне эта проклятая война надоела!

Мы открывали все шкафы – искали. Тетя Валя сказала, что маму расчленили и в шкаф спрятали. Потом тетя Валя меня к себе забрала. Говорит, что в детдом не отправит. Будем с Аленкой как сестры жить. Уедем в Россию!

Мама пришла. Она на базаре была. Ключи в дверях забыла просто. Как же мы напугались! Я плакала. У меня что-то в горле занемело, и я задыхаюсь.

Мама сказала, что она ходит в платке и у нее длинный кавказский нос – никто не станет ее убивать. А тетя Марьям сказала, чтобы она все-таки осторожнее была.

Тетя Валя хочет уехать, но квартиру не покупают. *Поля*

16.11.

Убили стариков армян. Повесили. Кто-то из-за квартиры это сделал. Убили русскую семью: папу, маму и троих детей на остановке «Автотрест». Зарезали даже малыша в кровати. Я думала: как так можно? Наверное, это очень плохие люди пришли и всех убивают.

Почему мы не можем уехать? Мама говорит – некуда: близких родственников нет, жилья нигде больше нет, тут квартиру не купят, идти некуда. Что же делать?

В школе издеваются и обзывают каждый день.

Мама торгует на рынке, чтобы купить еду. Нервная стала такая. *Поля*

26.12.

Семья Эрика и Сашки уехала из Чечни. Внезапно. Поехали к своим родным в Россию. Может, те примут? Не выгонят?

Как же они бросили меня? Одну. Бог мой, я уже начала скучать! Любимые мои соседи. С вами я сидела без света, без воды, в холодном доме. Но как мне было радостно благодаря вам. Как тепло! Возвращайтесь в Грозный!

31.12.

Руслан, мой отчим, уехал в село. Мы с мамой едем к тете Лейле. Она живет в общежитии. Позвала нас справлять Новый год.

Мы дружим. Моя тетя Лейла – ингушка. Они с мамой работали вместе. Стреляют повсюду из оружия и кидают хлопушки. Бог мой, как же я ненавижу эти взрывы! Хлопушки! Это противно. Это – зло!!!

В школе стараюсь с учителем в класс зайти. И за учителем выхожу. Платье порвали. Тетради и портфель одноклассники бросают с третьего этажа через окно. Обзывают. Друзей нет. Аленка в другом классе. Учится редко. Тоже боится.

Я стараюсь читать больше книг по йоге и буддизму. *П.*

1997

08.01.

Торгую на рынке. Одна. Пирожками и чаем. Мама болеет. Лежит, не встает. В доме холодно. Нет отопления.

У мамы ревматизм. Я стараюсь заработать, принести еду.

Новый год прошел хорошо. Я поела салат-винегрет и котлеты! Много стреляли. Тетя Лейла пела песни под гармошку. Пришли ее родственники и соседи. Все пили чай с пирогами. А потом кто-то принес бутылку шампанского. Разлили по бокалам, и всем взрослым на самом доньшке досталось.

Я тоже стала просить. Я написала на бумажке: «Чтобы не было войны». Потом сожгла ее и бросила в чашку, куда мне налили целую ложку шампанского! Выпила. Так надо, чтоб сбылось! Но бумажка не сгорела. Прилипла ко дну. Пришлось ее отскрести. *Поля*

14.02.

Приехал отчим Руслан. Он ссорился с мамой. Их мирил его друг Шервани, мулла.

Друзей нет. Я одна. Скука.

Сказку о Русалочке дорисовала.

18.02.

Сегодня поругалась с Аленкой. Расскажу из-за чего: мы вместе шли в школу. Обычно и обратно вместе ходим. Но на этот раз у меня уроки закончились, а у нее было еще четыре урока.

Я выходила в туалет, вернулась в класс, а сумка моя пропала. Кто-то спрятал. А у меня там ключи от дома! У девочки Зули тоже сумка пропала. Ее ненавидят, обзывают. Она – толстенная. Мы с ней вдвоем кинулись сумки искать. Нам сказали, что вроде наши сумки Линда утащила.

Я прибежала в класс к Аленке, попросила ее поискать со мной. Та отказалась. В трех кварталах от школы я нашла свою сумку в снегу. Ее туда Линда кинула. Слава богу, ключи были на месте!

Вернулась за Аленкой. Она на меня накинулась, так как уроки у нее закончились:

– Полина, где ты была?! Я тебя здесь смотрела! А тебя как корова языком слизала! Ну, что уставилась на меня, тупица?! Где бродила, говори? Я к тебе с хорошим, а ты мне свинью подкладываешь?

Я хоть и стояла на месте, мысленно подпрыгнула от возмущения, а потом ответила:

– Деревня ты беспросветная! Где ты свинью видишь? (Это я, конечно, специально.) Какая корова?!

И все ей рассказала, думала, она поймет. Но Аленка возмущенно крикнула:

– Неблагодарная! Я слышать ничего не хочу!

На это я ответила:

– Иди к черту, где и раньше была, – и свернула в переулок.

На этом закончилась наша дружба. Обидно. *Полина*

19.02.

Нашего учителя по биологии зовут Ходжа Назирович, или попросту Насреддин. Насреддин русских людей терпеть не может. На дух не переносит из-за войны. На уроке «Культура Чечни», который он также ведет, всегда рассказывает:

– Дети! Вы никогда с русскими не общайтесь! Они едят свинью – это грязное мясо. Русские любят собак, а это плохие существа. Русские не давали чеченцам покоя никогда. Русские были тварями и останутся ими!

И т. д. Мне хоть на этот урок не ходи. Я молча сижу и думаю: «Я что, взяла автомат и чеченцев убивала? Я ведь всегда всем людям помогала. Нас же всех вместе бомбили!»

И неожиданно сегодня он меня выгнал с урока. Ни за что. За то, что я русская. Но я ведь ничем его не хуже?

Я, правда, время зря не теряла – покаталась на горке около школы.

А все-таки лучше любить собак и быть русским, чем быть таким, как наш учитель. Правда? *Полина*

24.02.

В школу не пошла. Болею. Делала во всем доме уборку, читала «Моряк в седле» о Джеке Лондоне.

И хочу тебе рассказать сон, который видела моя мама. У него нет названия, но я могу придумать. Например, «Конец света».

Моя бабушка Галина, умершая, явилась во сне и сказала: «Земля погибает!» – «А как же люди?» – спросила мама. «Земля погибнет от огня. Останутся только черные камни». – «Но люди...» – «Их переселят». – «Туда, куда все уходят?» – спросила мама. – «Нужно брать вещи? Люди берут!» – «Нет, – ответила бабушка. – Брать ничего не нужно – там всё дают».

И, словно в продолжение этого сна, мне тоже приснился сон. Я назвала его «Страшное приключение».

Невидимый голос вещал:

– В тысяча девятьсот девяносто девятом году будет сильное землетрясение. С гор попадают камни, а часть суши захватит океан.

Я вижу себя: бегу впереди обвала, мимо камней, с Аленкой, моей подругой. Мы ищем воду. У меня в руках старинный кувшин из серебра!

Впереди пропасть. Здесь, на нашей стороне, я вижу знакомые лица: Аленку, маму, тетю Валю, Эрика, Сашку, Ваську, Мансура, Муслима, Хаву, тетю Марьям, тетю Фатиму... и других.

Нам всем важно перебраться на противоположную сторону пропасти. Большая часть людей летит в пропасть, но я, мама, Аленка и тетя Валя перебрались каким-то чудом.

А невидимый Некто опять говорит во сне:

– Потом на планете Земля не будет воды, и люди умрут!

Страшно, правда?

Я, раненая, куда-то бреду, спотыкаясь, и вижу в песках большой инопланетный корабль. Он вроде бы прилетел спасти хоть некоторых из нас. На нем я поднимаюсь во Вселенную с теми людьми, кому удалось спастись. И вижу оттуда, как наша планета, словно боевая граната, разрывается на куски. Земли больше нет! Нет ничего, кроме маленьких осколков-комет. Я реально ощущаю удар взрыва. Инопланетный корабль отбрасывает в пространство.

А по Нострадамусу, говорят, будет атомная война.

Польди

26.02.

Была в школе. Нас пересадили за разные парты. Я села на вторую от учителя.

Мальчик, который давно ко мне пристаёт с разговорами, вязался и сегодня. Его зовут Мага. Он на год старше меня. Ему двенадцать.

– Полина, а в кого ты веришь? – не без ехидства спросил Мага. – Скажи-ка нам!

– В добрых людей, – ответила я. – В таких, как ты, нет. А что?

– А ты ответь: в Аллаха, например, или в Иисуса Христа? – продолжил он, развалившись на моей парте.

– Тебя это так беспокоит? – сказала я, чувствуя во всем этом разговоре очередную подставу. – Впрочем, отвечу: я верю в Бога, а как его называют, мне лично все равно.

– Библию и Коран читаешь? – уже более милостиво спросил Мага.

– И то и другое.

– Ну молодец! В рай попадешь! – засмеялся он. А потом добавил: – Если что, ты забереешь меня туда?

– Посмотрим! – Я тоже засмеялась. – Но, боюсь, тебе там будет скучновато.

И тут он неожиданно говорит:

– Можно, я тебя домой провожу?

– Зачем зря трудиться? – Это все, на что я нашлась.

– Ну и ладно. Как хочешь!

И ушел. Я несказанно обрадовалась – уж очень надоел. Прямо как мешок с камнями.

После того как Мага ушел, ко мне подбежали девчонки. Одна из них из банды в нашем классе. Ее зовут Линда. У нас есть банда богатых чеченок в классе – элита. Ее возглавляет Лурье-Львица. А Линда – одна из ее служанок.

– Полина, или ты будешь нам подчиняться, или мы тебя убьем! – наклонившись ко мне, сказала Линда. С ней рядом стояли еще пять служанок Лурье-Львицы.

– А я не умру! – весело заявила я, мне все еще было смешно после разговора с Магой.

– Иди к черту! – закричали девчонки.

– Вот как?! – сказала я и добавила: – Без вас ни за что. Отчего я пойду к вашим знакомым без вас?

Они долго соображали, что ответить. Ничего не придумали. Обозлились и ушли. А я сидела и хохотала, пока биология не началась.

27.02.

Я иду в школу. По-моему, в школе нет ничего хорошего. Но все-таки послушай мой рассказ. Сегодня утром я пришла в класс. Линда меня выгнала с моего места и велела всем, кто не входит в банду, сесть по их усмотрению. На меня она была злая еще из-за вчерашнего. С Линдой никто связываться не стал. Она жуткая пискля и нахалка. Одна из самых верных соратниц Лурье-Львицы.

Остальные в классе, кто не в этой девчачьей банде, – чокнутые, т. е. подчиняются их приказам. Мальчишки вроде сами по себе, но тоже слушаются Лурье-Львицу и боятся. Это новая школа, и тут, в отличие от трех предыдущих, свои порядки.

Итак, Линда приказала, и все пересели. Я сказала, что все равно сяду на вторую парту, хоть и не у окна, так хоть у двери, и уселась туда. Она набросилась на меня, крича ругательства. Ей подпел Хасик-задира.

– Ты, русская уродка, куда мы, чечены, скажем, туда и пойдешь! – замахнулся он на меня. Я их послала. На этом разговор утренний закончился, и начались уроки.

Учителя в разборки никак не вмешиваются и вообще делают вид, что это их не касается. Есть только один учитель, Султан Магомедович, который, когда в меня на улице бросают камни, ничего не говорит детям, а просто идет рядом и закрывает собой.

С Аленкой мы так и не помирились. Я пришла к ней после школы, но она надулась и засопела, как паровоз.

04.03.

Меня в школе опять пересадили. На этот раз за одну парту с Магой. Он любит делать назло. Я, если что, луплю его книжками; он, правда, тоже в долгу не остается. Вот такие пироги!

Обратно домой шла с Заирой. Эта девочка отличается всякими шалостями. Рассказывает о ... ну ты понял, надеюсь. Не буду писать, а то мама вдруг найдет тебя и прочтет. *Польди*

08.03.

Привет!

У нас гостила тетя Марьям. Мы пили чай с тортом. Я пожаловалась, что мама меня обижает, а тетя Марьям сказала, что у ее родственницы было две мамы. Я спросила:

– Как это?

– А так, – ответила тетя Марьям. – Было у мужа-мусульманина две жены и много детей. И, чтобы дети не капризничали, им сказали, что у них один папа и две мамы. И никогда ни одна женщина не говорила, кто ее ребенок, а кто нет. Вместе женщины играли, купали и кормили детей. И одна дочка все время думала, что ее мать добрее, а другая мать «ненастоящая», потому что одна жалела, а другая все время шлепала. Но родители не выдавали секрета. В день своей свадьбы девушка пошла к отцу и сказала, что ее сердце всегда говорило ей, что ее мать та, что всегда была рядом, и жалела, и защищала, а не та, что ругала и наставляла. И она спросила, кто же ее мать на самом деле? Отец ответил: «Та, что все время ругала тебя, – она хотела, чтобы ты была еще лучше».

С Аленкой помирились! Разговорились и все!

А с мамой конфликты постоянно, и все они глупые. Вот например. Темно. Нет электричества. Сидим на кухне. А наш кот Мишка мявкает под окном. Он через форточку ходит гулять и приходит обратно. Мама говорит:

– Иди в комнату и зови кота в дом!

– Там темно, – отвечаю я, беря свечу. – Он ведь еще не прыгнул на окно! Надо подождать.

– Пошла! Пошла! А то получишь! – грозно орет мама.

В жизни нет ничего хорошего: вся физиономия в прыщах – стыдно в зеркало глянуть.

Перечитывала книги о подростках. Взялась за тома «Анжелики». Великая женщина! Как бы я хотела быть корсаром, или встретиться с Жоффреем де Пейраком, или стать любовницей короля.

Ну, пока! Приятных сновидений. Храни нас Бог!

Поля,

Польди,

Паулина

Паулина – это мое домашнее имя. Руслан, мамин муж, говорит, на арабском это значит «павлин».

10.03.

Читала Коран. Какая прекрасная сура о лжецах!

Хулитель

Во имя Аллаха милосердного, милостивого
Горе всякому злословящему хулителю-поносителю,
Который собрал богатство и приготовил его,
Думает он, что богатство сделает его бессмертным.
Нет! Точно, он будет извергнут в Истребляющую кару.
А что дает тебе знать Истребляющая кара?
Огонь Аллаха разожженный,
который вздымается над сердцами,

Сомкнется над ними растянувшимися столбами.

11.03.

Когда мы с Аленкой идем из школы, то перед нами маячит пустынная дорога, база с бетонным забором и пустыри. Периодически к нам там вяжутся мальчишки. Но это пустяки – мы их посылаем. Вот и сегодня мы шли к перекрестку по пустырю и болтали.

А недавно была беседа Аленкиной мамы с нами. Она говорила, что девчонок воруют и продают в публичные дома за границу. И хотя и я, и Аленка очень хотим путешествовать за границу, но только не в этот «дом».

Мы уже дошли до трассы, как вдруг на огромной скорости к нам помчалась голубая машина. И, представьте себе, она остановилась именно рядом с нами! Открывается дверь, а вокруг ни одного человека. Поля, пустыри, бетонный забор... Нет, вы только представьте! Аленка сразу стала праздновать труса, а я не успела испугаться, так как из машины вылез здоровенный дядька! Аленка (это ее мама научила) стала убегать и орать:

– На помощь! Скорее! Спасите!

А я остановилась как вкопанная. После того как метров на десять отошла от машины. Дядька посмотрел на убегающую Аленку, и от удивления его лицо стало похоже на огурец.

– Девочка, – сказал он, – а ты не знаешь, где находится Полонская улица?

– Нет! – ответила я и побежала догонять Аленку.

Мы уже почти добежали с ней до границы пустыря, как видим – машина опять за нами едет.

– Ой, Полиночка, мы влипли, – говорит Аленка. – Ну, прощай, мамочка!

– Дай руку! – сказала я, и мы побежали так быстро, как могли.

Убежали. Аленка уверена, что это был бандит с большой дороги.

– Никогда я больше не пойду гулять по пустырю, – сказала подруга. – Если такое еще случится, я не переживу!

И что вы думаете?! Едва мы дошли до сгоревшей пятиэтажки, которая образует у наших четырехэтажных домов верхушку буквы П, опять остановилась машина. Из нее выскочил мужик и спросил:

– Дети, где тут живет тетя Зара?

– Не знаю, – ответила я.

Аленка затряслась от страха и, не отвечая ничего, побежала к своей маме.

– Что ты будешь делать, если меня схватят? – поинтересовалась чуть позже я.

– Конечно, побегу подальше, – честно ответила Аленка.

Я чуть в обморок не упала.

– А ты? – на всякий случай спросила она.

– Разобью в машине стекло, сообщу на военные посты. Найдут! – ответила я. – Посты по всему городу. Незаметно не уехать.

– Бесполезно. Лучше удрать!

Я не стала спорить: если человек не хочет бороться, ему все бесполезно. *Поля*

12.03.

Опять поссорилась с Аленкой. Мы шли из школы: я, Аленка и Зуля. Зуля – чеченка, но другие с ней не дружат, обзывают. Она из бедной семьи и толстенькая. Вдруг Зуля говорит:

– Аленка, у тебя есть брат?

– Нет у меня в роду братьев, – отвечает Аленка.

– А Лука?! – спрашиваю я, вспомнив, что у нее есть двоюродный брат, в которого она тайно влюблена.

Аленка бегом помчалась вперед и кричит оттуда:

– Какое тебе дело до меня и моих родственников, наглая тварь?!

Я прямо, так сказать, обалдела.

Зуля училась с Аленкой вместе в первом классе, в другой школе. Так что про Аленку она и так все знала. Услышав, как Аленка ругается, Зуля пошла по другой дороге. А я побежала догонять Аленку. Я вовсе не поняла, чем ее обидела.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Ты ей все рассказала! – вопит Аленка и в бешенстве ногами стучит. – Как я люблю его, рассказала; что он, когда вырастет, моим мужем станет, рассказала!

– Ничего подобного я не говорила...

– Ах, врешь! Дура! Сволочь!

И идет дальше как ни в чем не бывало. Я ее окликнула, показала ей молча неприличный жест со средним пальцем, который видела в крутом американском кино, и тоже пошла в другую сторону. Ну не дура эта Аленка? А может, и я. *Паулина*

15.03.

Помирилась с Аленкой. Спросишь как? Очень просто: она вышла из дома и сказала:

– Поля, прости меня, ради бога! – и такую физиономию скорчила, что я стала смеяться и тут же ее простила.

Но оказалось, она попросила прощения, потому что ей тетя Валя повелела. Ну ничего. Главное – мир!

А вчера произошел такой случай. Просто фантастика! Вначале я с мамой ходила на рынок торговать. Пришла домой, а у меня горло болит. Решила отдохнуть. Растерлась растиркой, выпила таблетки. А моя мамаша отправилась к соседке, тете Марьям. Я заперла за ней дверь, взяла в руки книжку «Рыжик», о мальчике, свет оставила включенным (чтобы не заснуть), легла и... уснула.

Спала я, наверное, долго, и вот что из этого вышло: мама сидела у тети Марьям в гостях. Туда же пришел мой отчим Руслан. Мама и Руслан захотели попасть домой, но не тут-то было! Я не проснулась бы и от пушечного выстрела. Они с полчаса тарабанили в дверь, но я их не слышала!

Потом, испугавшись, что со мной что-то случилось, тетя Марьям, мама и Руслан начали сочинять истории на тему «Бедная девочка оставила дверь открытой, и к ней пришли убийцы». Нет, вы только представьте: бедная девочка – это я!

Тетя Марьям в отчаянии стучала нам в стену (боялись, что стена рухнет), мама колотила руками дверь, а мой отчим Руслан решил влезть через окно. У нас первый этаж! Но в окно он не пролез. Засунул морду в открытую для кота Мишки форточку и давай орать:

– Поля! Поля, открой дверь! Поля, пожалуйста, открой. Это я, Руслан!

И так далее в том же духе. Конечно, тут я уже спать не могла – открыла глаза, поглядела на него, и пришла мне в голову мысль: «Что за страшный сон снится? Черт в окно лезет! Тьфу, нечистая сила!» – перевернулась я на другой бок и опять захрапела.

Поняв, что я жива, окружающие принялись стучать со всех сторон с новыми силами. Даже девушка Малика, что живет на втором этаже, колотила молотком по балкону – будила меня! Тут я проснулась окончательно, пошла и открыла дверь. В квартиру ввалились мама, отчим и соседи.

– Поля, ты ничего не слышала?! – кричали они.

– Нет! – честно ответила я.

19.03.

Сегодня много неприятностей, больших и маленьких. И так совпало, что сегодня еще и день рождения Руслана.

Наша кошка Ксюша родила под утро котят, а кот Маркус (которого нам оставили девочки Патошка и Ася) схватил одного и сгрыз. Я кота нашла. Котенок, что хуже всего, помирает и мучается.

Еще я узнала, что Аленка и тетя Валя решили уехать из Чечни: жизни тут нет, русских людей убивают. Квартиры забирают люди с гор. Если Аленка уедет, у меня больше нет друзей. Димка, Сережа и другие давно уехали с родителями, побросав тут дома. А моя мама твердит, что любит Чечню и надеется на мир.

Вот что я себе представляю. Я иду, как обычно, в школу. Дожливо. Осень. Вокруг – насмешки, издевательства, оскорбления (будут, как и прежде):

- Русская тварь!
- Мы ее убьем!
- Русская сука, как тебя зовут?
- Уезжай в свою поганую Рассею!

(Что бы я с радостью и сделала. Но у нас нет родных в других регионах, нет никакого жилья. Некуда нам ехать.)

И вот я иду одна через грязь, через насмешки и плевки, а моей подруги, моей приемной сестры – ее нет!

«Нет» – это очень страшное слово. А еще страшнее: «Прощай навсегда!»! И будет дождь, ветер и снег. Оскорбления и насмешки. И я одна, без Аленки. В новую осень, новый учебный год. А завтра мой день рождения. *Поля*

26.03.

Мой день рождения был в прошлый четверг. Мне исполнилось двенадцать лет.

Ничего хорошего нет. Несчастья за несчастьями: тетю Валю оклеветали. Все это сделал дядя Адам, которого ранило у подъезда, когда он пьяный играл на гармошке. Это он написал жалобу. Как будто тетя Валя «сдала» его российским военным и те пытали его, и так он потерял ногу.

И командир боевиков Басаев подписал бумагу, даже не разобравшись, – убить предателей. А никакие они не предатели!!! Их пришли убивать вечером. Боевики. Четверо. Чеченцы с автоматами. Приказ у них был: печать с волком и подпись Басаева. Никто не вступился. Все испугались. Убежали. Только дедушка Идрис, ингуш, который тоже на втором этаже жил вместе со своей бабушкой, вышел. Его избили прикладами.

Аленка и тетя Валя успели убежать через балкон на простыне, в чем были. Боевики захватили их квартиру! Тетя Валя не может квартиру отобрать назад. Боится. Прячется у людей. (Нам тетя Фатима все рассказала втайне.)

Мы ведь в другом подъезде живем – и не знали, когда их пришли убивать. Аленка и тетя Валя, если получится живыми уехать из Чечни, уедут. Одни чеченцы взялись помочь их вывезти. Мне мама запрещает ходить к Аленке (их прячут сейчас в частных домах у людей). Ведь если проследят за мной, убьют их и тех, кто их прячет.

Худо, что Аленка уедет. Но им нужно уехать. Только нет ни документов, ни денег. Мы передали для них хлеба.

Кот Маркус еще одного котенка загрыз. И мы с мамой кота занесли. Оставили на рынке – пусть сам по себе живет, кот-убийца.

Тетя Айшат, жена дяди Адама, мою маму проклиняет. Говорит:

– Ты, Лена, его спасла, а мне теперь с калекой жить!

А мама и сама не рада, что спасла. *Поля*

02.04.

Пробралась к Аленке. Им помогают уехать. С ними собрался бежать из Чечни и дядя Саша.

Мы сидели с Аленкой на полу – так, чтоб через окна нас не было видно. Мы смотрели старый фильм «Три мушкетера», снятый по роману Дюма. Там есть песня:

Скрипит давно потертое седло,
И ветер холодит бывшую рану.
Куда вас, сударь, к черту занесло,
Неужто вам покой не по карману?

Нам он точно не по карману. Покой. Мы с мамой остаемся тут. Руслан не может жить в России. Там ненавидят чеченцев. Тоже кидаются драться, обзывают. Как тут ненавидят русских.

А все из-за войны. Когда не было войны – был мир.

Поля

26.04.

Вчера приехали друзья: мальчик Сашка, его старший брат Эрик и тетя Аля. Я давно их ждала. Не верила, что вернуться. Когда они в декабре уехали в Краснодарский край, к родственникам, я молила их мысленно каждый день: «Дорогие, любимые соседи, возвращайтесь! Не бросайте меня! Я вас всех очень люблю (особенно Эрика и Сашку). Почему вы так долго не возвращаетесь? Приезжайте, я так скучаю!»

Даже стихи родились сами собой, едва я думала об Эрике:

За окном холодный ветер
Говорит со мной о встрече,
Что тебя увижу снова
Я в чудесный летний вечер.
Говорит, что ты – вернешься,
Но уже другой, чем прежде.
И что он, тот самый ветер,
Унесет мои надежды.

И вчера они приехали. К нам сразу прибежали Эрик и Сашка – в гости. Электричества не было. Мы сидели при свечах и играли в карты. Потом они позвали меня к себе, но я не пошла.

А сегодня я надела свой самый красивый халат и причесалась. Мама это заметила и говорит:

– Поля, как мальчишки приехали, ты стала ухаживать за собой!

– Нет, я даже в гости к ним не пойду, – вылетело у меня (хотя это и неправда).

– А они и не позовут! – отрезала мама.

Не знаю почему, но я жутко покраснела. Наверное, я и вправду к ним не пойду. Сашка по секрету сказал, что они ненадолго – уедут из Чечни через две недели. Они за своей бабушкой приехали. На нее в ее доме напали. Обокрали. Напугали. Она старенькая, жила далеко от нас, в Микрорайоне.

Жизнь – тяжелая штука. Это точно.

28.04.

В школу не пошла. Ангина.

Вчера опять прокралась к Аленке, в частный сектор. Они так и не уехали. Боевики их искали – напугали расстрелом старенького дедушку Пашу, который прятал Аленку с тетей Валею у себя. Ему стало плохо с сердцем, он умирает.

Боевики заняли квартиру прочно. Не выгнать! Правду о дяде Адаме слушать не хотят. Уехать из Чечни у Аленки с тетей Валею не получается. Что же делать? Их убьют?! Видела бабушку Сашки и Эрика. Ее зовут Тося. *П.*

03.05.

Мне купили платье! Я сразу пошла в гости к Сашке.

10.05.

Я на рынке торгую соком. Зарабатываю на еду.

Зашла к соседям, Сашке, Эрику и тете Але. Но Сашка отказался разговаривать без всякой причины и убежал к Баширу. Играть в футбол. А Эрик ушел в гости к Мансуру. Мне пришлось разделить компанию блинов со сметаной, тети Али и телевизора. Больше я к ним не пойду!

Ох попадись мне этот Башир! *Поля*

13.05.

Была у Эрика. Он сразу удрал, а Сашка посидел-посидел и тоже удрал.

Теперь у меня план, как я выскажусь: завтра будет идти фильм «Сердца трех» и я скажу Сашке, когда он придет за мной: «Зайди-ка сюда. Я к кому иду в гости? К тебе или к тете Але? Почему ты зовешь меня, а потом оставляешь и уходишь гулять? Не хочешь дружить – так и скажи!» Посмотрим, что из этого выйдет.

У мамы скоро день рождения. Купила ей подарочек.

18.05.

Насчет выговора другу Сашке у меня, конечно, ничего не вышло. Он на следующий день прибежал, и я его простила. Но сейчас о другом.

Дневник, я ходила с Эриком и Сашкой за питьевой водой в сады-огороды. В наших домах воды нет. Таскаем ведрами. Мальчишки всю дорогу надо мной издевались, но не злобно, а как бы шутя. Из-за сока «Юпи». Они говорили, что я его не ложкой в графине размешиваю, а руками развожу. Ну да, у меня рука окрасилась немного.

Потом они насмехались над чулками. Называли меня Пеппи. А чулки, к моему ужасу, пока мы шли по грязюке между садами, запачкались, и они посмеялись еще и по этому поводу. Причем Эрик подшучивает, а Сашка ему вторит, не переставая. Злодей.

– Когда мы в декабре уехали из Чечни в Россию, мы не знали, – сказал Эрик, – а теперь мы приехали назад и видим: ты глупенькая маленькая неряха в платочке. У нас там, в русском селе, были настоящие девчонки в мини-юбках! Они танцуют на столе и могут выпить! И целоваться. А ты – глупый ребенок.

Я очень обиделась. Хотела зареветь, но не стала. Эрик это увидел и дал мне щелбан. А я его за волосы дернула. После этого он сказал, что мальчики и девочки драться не должны, а должны кое-чем другим заниматься, но я пойму это лишь года через два. И еще много чего нафантазировал.

Почему он меня учит? Мне двенадцать лет! Сашке одиннадцать, а Эрику недавно исполнилось пятнадцать лет! И Сашка, который клялся мне в любви и молился о мире в нашем городе вместе со мной, сейчас поддакивал старшему брату.

Мы долго стояли в очереди за водой. Когда туда же пришла какая-то девушка лет четырнадцати, мои друзья ей заулыбались. Начали говорить комплименты, выделяться и заигрывать. А я, набрав воды, пошла домой и страшно обиделась. *Поля*

20.05.

Была в школе. Нравится мне Имран. Это мой одноклассник. У него зеленые глаза. Хотя Эрик и Сашка мне тоже нравятся. Я не знаю, Дневник, сможешь ли ты меня понять: что-то я сама себя не пойму.

25.05.

Ходила в школу. У нас была линейка – всех строили классами. Это потому, что у одиннадцатого класса экзамены. Теперь, говорят, в аттестате будет печать с волком. Такая печать только в Чечне. А в других местах ее никто не признает. Нас снимали телекамеры, наверное, по телевизору покажут.

А я закрывала уши руками, и не только я, но и все девчонки. Мальчишки прямо под ноги кидали взрывпакеты и хлопушки на линейке, но им никто не делал замечания.

Сашка со мной не дружит. Вчера, как только я и мама пришли к тете Але в гости, он сказал:

– Поиграешь с нами в жмурки?

Я ответила:

– Хорошо.

Но тут пришел Башир и позвал Эрика и Сашку играть во дворе в мяч, в собачку. Сашка жутко обрадовался и завопил:

– Ура! Ура! Я – собачка, чур, в игре, я – собачка!

Это потому, что тот, кто собачка, отнимает мяч у других.

Тут мой отчим пожаловал, и мама пошла домой на наш первый этаж. А я осталась.

Говорю Сашке:

– Можно я тоже с вами в собачку поиграю?

Сашка ответил:

– Не то чтобы нельзя, но тебе будет неинтересно, – и сидит на корточках, кеды надевает.

А Эрик говорит:

– Поля, ты же к Сашке в гости пришла? Куда это он?

(Этого вопроса я больше всего боялась.)

– Я... – хотела ответить я, но меня перебила тетя Аля:

– Поля к нам в дом пришла!

Но Эрика было не унять:

– Поля пришла к моему младшему брату Сашке! А он уходит! Почему?

– Что ж, пусть уходит, – ответила я.

(А Сашка одевается как ни в чем не бывало.)

– Это неприлично, ты пришла к нему, а он уходит! – Эрик, видимо, решил меня добить.

– И что? Что из этого? – ответила я (ничего другого мне и в голову не пришло).

А Сашка еще громко сказал своей маме, что я просилась с ними играть в собачку! Но мне будет там неинтересно. Я чуть со стыда не умерла.

Эрик и Сашка преспокойно ушли во двор. Поля

31.05.

Нас из школы давно отпустили.

Аленка с тетей Валею все пытаются как-то уехать. Я гадала на картах. Я тоже хочу уехать с ними.

Сегодня Сашка стучал в нашу дверь. Я открыла. Он сказал:

– Поля, пойдешь к нам в гости? Пожалуйста!

– Не знаю, – ответила я, припоминая последние дни.

– Я за тобой зайду через полчаса!

И ушел. Смотрю: через полчаса бежит с Эриком к мальчишкам во дворе – играть в собачку. Ага. Какая же скотина! *П.*

02.06.

Идет дождь. Он плачет вместе со мной.

Сегодня, если получится, навсегда из Чечни уедут Аленка и тетя Валя. Они обещали написать письмо. Тетя Валя и Аленка передадут письмо другим людям, а эти люди передадут нам, чтобы их не нашли и не убили. Вещи им так и не отдали, но разрешили взять документы.

Вся квартира, все вещи теперь принадлежат какой-то чеченской семье, что помогает им уехать. Но главное – тетя Валя и Аленка живые.

Мои последние слова были: «Мы еще первого сентября вместе в школу пойдем, Аленка! До свидания!» Аленке я на прощание подарила цепочку с шеи. Она была у меня единственной ценной вещью. И еще мы договорились с ней – не обрезать волосы, пока не встретимся.

Надеюсь скоро обнять свою подругу. Помоги мне, о Бог! *Поля*

03.06.

Сашка не разговаривает, Аленка уехала, писем нет. Вчера с тетей Алей смотрела комедию. Кратко включилось электричество. Обычно ни его, ни воды, ни газа с войны в доме нет.

Я прочитала книгу по хиромантии, порылась в блокноте прабабушки, где написано о линиях рук, и составила карту судьбы.

Из риска – победа. Уход от власти – ради искусства. Чуткое сердце. Поэт.

Склонность к чревоугодию, чувственность и лукавство. Опасность по жизни, бунты и войны. Несчастливая любовь и счастливый, спокойный брак.

Не музыкальна, но красноречива.

Есть веселье и простота. Эгоизм и гордыня порой портят все, что достигла.

Но спасает философия и юмор.

Уже почти год я занимаюсь йогой. По два часа в день. Делаю упражнения из хатха и медитирую в позе лотоса. Научилась закрывать глаза и видеть свет. Ни о чем не думать. Особенно это помогает после ссор и обид. Это спасает.

Я много читаю о Будде. *Поля*

06.06.

Целый день торгую на Центральном рынке. Продаю сок. Ко мне дядьки пристают. Совсем обнаглели, уроды!

Единственная радость – видела на рынке Эрика. Спросил, как дела. Он тоже торгует товаром, маме своей помогает, чтобы продукты домой покупать.

Зарплаты никому не платят. Мой отчим торгует старыми запчастями от поломанных телевизоров. Чинит телевизоры. Мама продает пирожки, я сок. Но еды все равно мало.

Я сегодня заработала девятнадцать тысяч. Это только купить хлеба, масло и банку сайры. А мама тридцать две тысячи.

Сейчас я читала книгу, а мама вдруг ни с того ни с сего сказала, что у меня рано будут дети. С чего она это взяла? Надо выяснить. *Поля*

11.06.

Пропаций я человек! Никто со мной не дружит, никто меня не любит. Мне очень, очень плохо. Я не знаю, жива ли Аленка. Куда их вывезли? Письма нет. Я торгую с утра до поздней ночи соком и жвачками на рынке.

Сашка не разговаривает, убегает. Дружит с Мансуром, Баширом. *Поля*

19.06.

Дома. Не торгую. Дожди.

Собираюсь все тебе рассказать, Дневник, но некогда. У меня дела: уборка дома, потом долгие медитации. Думаю, не стать ли буддисткой?

Гаутама был великим философом. Он сказал, что любой может достичь просветления. А мне кажется, что тьма вокруг может поглотить меня. Я хочу просветления. Я хочу вырваться из Колесницы и быть свободной.

Вчера приходили Джамбулат и Адар, дети дедушки Шамиля. Им по двадцать – двадцать пять лет. Отчима не было. Они сидели и болтали с мамой.

Их разговоры мне не понравились. По-моему, они изменились, стали употреблять наркотики. Мама их впустила, потому что они сыновья дедушки Шамиля! Иначе бы не пустила. Но без своего отца они вели себя по-другому. Нахально.

У Джамбулата был автомат. Он решил показать, как надо стрелять из автомата. Но когда я взяла автомат в руки, я поняла, что ненавижу оружие. Я ненавижу оружие потому, что оно убивает людей и животных. Потому что пули попадают в деревья.

Джамбулат еще совсем обнаглел и решил меня обнять, пока показывал, как нажимать на курок. Я его отпихнула и сказала, что все расскажу дедушке Шамилю. Джамбулат очень испугался. Быстро ушел с братом. П.

21.07.

Привет! Я долго не писала в тебе, Дневник. Для начала создам план:

1. Ссора с Сашкой.
2. Ислам.
3. Путешествие.
4. Магнитофон.
5. Патошка.
6. Работа/рынок.
7. Эрик.

Я не видела Сашку восемь дней. Я почти все время его не видела, но сейчас говорю о последней неделе. И вот он явился. Вместе со своей мамой, тетей Алей, и братом Эриком. Им вечером стало скучно и они притопали к нам на чай. Так ему хватило наглости сказать мне, что он будет встречаться с Патошкой! Девочкой-аваркой с третьего этажа. Она меня на год младше.

Теперь мне кое-что ясно. Это к ней он бегаёт все последнее время! Зовёт ее играть в теннис и в собачку! А меня ни разу не позвал. Но он очень ошибался, что сможет меня задеть. Я сказала ему, что дружу с Патошкой и меня даже мама теперь зовёт Патошка – как и ее. И он может катиться на все четыре стороны и не оправдываться! Сашка вытаращил глаза и чуть не описался. А потом встал и говорит:

– Прощай навеки!
И ушел. Вот и все.

Ислам – это один мальчик из переулка. Когда я иду мимо, остановится и стоит смотрит, пытается заговорить.

Путешествие решила устроить тетя Аля. Она, как и моя мама, твердит, что будет мир. Нужно думать о том, что война прошла. Теперь все будет как прежде. Она решила отвезти меня на неделю в курортный город Нальчик, если получится. Я и не помню, когда отдыхала. Все торгую на рынке.

Магнитофон купила. Сама! Телевизор давно перегорел и сломался. Мне Эрик помогал выбирать магнитофон и сын тети Марьям, Акбар.

Патошка – девчонка с третьего этажа. Она любит сплетничать и жадина. Мы дружим, но не сильно. Я не знаю, что в ней нашел Сашка. Хотя они друг друга стоят. И как бы мне ни было обидно, ничем себя не выдам. Главное – сохранить гордость.

Я устроилась на рынке торговать соком на аппарате. Раньше я ходила и торговала всякой всячиной. По всем торговым рядам ходила. Ноги в кровь сбивала. Теперь сижу на стуле и торгую ежедневно с утра до вечера соком из аппарата.

Что сказать об Эрике? И так все ясно. Я люблю его.

П.

29.07.

Эрик, Сашка и тетя Аля у нас были. Тетя Аля, мама и Сашка на кухню пошли, а мы с Эриком сидели на диване. Электричества нет. Свечки. Полумрак. Эрик хотел меня поцеловать. Еще бы чуть-чуть времени! Но тут мама с тетей Алей зашли и как заорут:

– Борщ готов! На кухню, дети!

Вредители!

04.08.

Знаешь, я решила писать в тебе аккуратно. Но что это даст? Я ведь в тебе почти не писала той правды, что творится вокруг. Ее нельзя писать. Если тебя кто-нибудь найдет, то наверняка будет меня шантажировать, или смеяться, или убьет. Приходится писать в тебе лишь малое из того, что происходит.

Я уже писала раньше всю правду в дневник, а потом поняла, как это опасно. Правду надо шифровать. Мне очень тяжело на душе потому, что я не могу тебе кое-чего рассказать.

Сашки, Эрика и тети Али нет. Не приходят – прячутся у бабушки в частном доме.

Аленки нет, и, может быть, я вообще ее никогда не увижу? Лучше я буду молчать.

02.09.

Привет! Я только что из больницы. У меня была операция аппендицита. Все случилось двенадцать дней назад. Мне стало плохо, и я мучилась. Мама возила меня в больницу, но доктора не посмотрели. Сказали, просто живот болит. Я не могла ходить. Ходила согнувшись.

Мужчина, у которого шесть детей, чеченец из среднего подъезда, увидел это. Меня и маму посадил в свою машину «Волга». Привез нас в больницу № 9. Когда он привез меня как свою дочку, меня посмотрели. Доктор сказал:

– Немедленно в операционную!

Я не хотела. Думала – пройдет.

Мне дали простыню, чтобы я закуталась в нее. Потом положили на стол и сделали капельницу. Я стала засыпать. Но увидела, что доктора хотят снять мою простыню-платье. Крикнула:

– Нет! Я стесняюсь! Не снимайте!

Услышала, как все в операционной засмеялись, и заснула.

Оказалось, аппендицит гнойный. Я потом проснулась через день только. Потолок кружился. Из живота торчали трубки. Гной стекал в банку. Так пять дней. Мама сказала – я чуть не умерла на операции.

Швы только сняли. Слава богу, все позади.

В больнице я познакомилась с девушкой. Ей семнадцать лет. Ее фамилия Лобазанова. Мы много шутили, говорили обо всем. Нам вместе делали уколы.

Р. S. Словно в награду за все мне пришло письмо. Тетя Валя и Аленка живы! Они уехали с дядей Сашей на какой-то русский хутор. Есть речка и маленький дом! Как я за них рада! Слава богу!

Им помогли чеченцы. За это тетя Валя отдала им свою трехкомнатную квартиру, а они бандитов прогнали. Тех чеченцев, что были с автоматами. У этих, добрых, чеченцев были пулеметы. *Поля*

07.09.

Когда я была в больнице, много чего произошло. Привезли какую-то маленькую девочку, и она умерла. Ее отец и его друзья стреляли в операционной в докторов из автоматов. Кто-то выпрыгнул в окно с четвертого этажа. Кто-то убежал. Страшно.

Хорошо, мама со мной была, когда стреляли. Я лежала с трубками из живота в палате.

Милиции теперь нет. У всех оружие, и каждый сам за себя. Читала книгу «Бегущая по волнам» А. Грина.

08.09.

Привет!

Ночью, когда я проснулась после операции, то сразу вспомнила, что была на пиру Олимпа в космосе. Там были все древнегреческие боги! Афина, Зевс, Посейдон, Амур! Аполлон посвятил мне песню, которую я раньше никогда не слышала.

Ты уйдешь туда,
Где высокая гора.
Где глаза как лист лучистый.
Где душа и воздух чистый!
И улыбка чище серебра.

Что значит «улыбка чище серебра»?

09.09. или 10 сентября (я точно не знаю).

О последних происшествиях: в школу я не хожу – болею после операции. Тетя Аля, Сашка и Эрик пропали. Их бабушка тоже. Тетя Валя и Аленка в тяжелых условиях. Жизнь спасли, а как жить? Хорошего мало.

Аленка рада, что есть речка. Купается там. Тетя Валя в отчаянии – их не прописывают и не берут Аленку в школу. Но ей дядя Саша помогает. Денег нет, а это, к сожалению, главное. Но все же я рада за них.

Нам здесь житья нет! Как пришла война, все стали друг друга убивать. Никто уже не дружит ни с кем.

Снились кошмары. Живот болит, из которого трубки убрали. Гноя много текло.

– На час бы опоздали, умерла бы, – врач сказал.

И с наркозом переборщили. Сердце чуть не отказало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.